

Кира Орлис

На Адреналине

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кира Оллис
На адреналине

«Автор»

2024

Оллис К.

На адреналине / К. Оллис — «Автор», 2024

Мой сводный брат Киллан – настоящий агрессор. Обычно наши отношения похожи на поле боя с вечными придирками и взаимными упреками. Но когда в наш город переезжает его лучший друг Доминик, который защищал меня с самого детства, всё вдруг резко меняется. И я пока не знаю, как к этому относиться, ведь если они узнают о том, что я совершила в прошлом, отвернутся от меня оба. Навсегда.

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Адреналиновая зависимость	7
Глава 2 Шантаж	10
Глава 3 Высшее общество	15
Глава 4 Дружба?	21
Глава 5 Открытие	25
Глава 6 Начало	30
Глава 7 Исчадие ада	35
Глава 8 Огненная вечеринка	39
Глава 9 Оттепель	43
Глава 10 На краю	48
Глава 11 Правила съёма	54
Глава 12 Ставка на жизнь	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Кира Оллис

На адреналине

Пролог

Восемь лет назад

Киллан

– Ник, оттащи Алису подальше от ноута! Ни хрена тебя не слышу. – Мелкой сестре моего лучшего друга Доминико Рэйвена на днях исполнился год, и сейчас она висит на нём, как коала, дёргая за чёлку, и визжит. А он ржёт вместо того, чтобы отцепить её от себя. Придурок. Как хорошо, что я у своих предков один.

По крайней мере, был один. Потому что подслушанный вчера разговор между мамой и папой мне не понравился. Он касался какой-то девчонки-сиротки. Мама плакала навзрыд, и я уже возненавидел ту, о которой шла речь. Тот, кто приносит в дом слёзы и ругань, не может быть хорошим человеком. Накануне сёрфил по интернету в поисках значений слов «опека» и «фостерная семья», и я очень-очень надеюсь, что всё, что я узнал, к нашей семье не относится. При чём здесь мы? Мама – хороший адвокат. Может, это как-то связано с её работой? Тогда почему она была так расстроена?

Закатываю глаза и, чтобы не терять время, снимаю с себя тренировочную футболку, мокрую от пота. Ухмыляюсь, вспоминая свой гол в ворота соперников. Вратарём был Рэй, которому я давно мечтал навалить. Хотелось бы кулаком в его горбатый нос, прямо как учил папа, но пока хотя бы так. Приходится держать себя в руках, чтобы не злить родителей, иначе можно попрощаться с каникулами в Испании.

В Барселоне живут лучшие друзья родителей, Брайан и Кассандра Рэйвен, у которых мы гостим не меньше двух раз в год. И так вышло, что их сын, Доминико, который больше любит, когда его называют по-американски «Доминик» или «Ник», тоже стал моим лучшим другом. Братом, я бы сказал. Мы с ним ровесники, и наши дни рождения каждый год отмечаем вместе несмотря на недельную разницу. Просто так повелось, а нам и не хотелось возражать. Всё равно друзья у нас теперь общие. Когда Ник приезжает к нам, мы тусим в моей компании, а когда я к ним – в его.

– Всё, я избавился от сестры, – посмеиваясь, сообщает Доминик, снова появившийся на экране. – Вручил её другой сестре. – *Да, у его родителей походу какой-то вирус. У них уже четверо детей и скоро будет пятый. Поэтому нужно успеть свалить из Испании до рождения вопящего младенца, который испортит всё веселье.*

– Да неужели. – Плюхаюсь обратно в кресло, вытирая волосы своей же футболкой.

– Как дела? – спрашивает Ник, откусывая зелёное яблоко.

У нас с ним одинаковые вкусы. Тоже люблю именно зелёные. Мы с Домиником похожи и внешне. У него и волосы тёмные, как у меня. Если бы ещё и стрижка была такая же, нас можно было бы точно принять за родственников. А так, в Европе странная мода на длинные чёлки у пацанов. Терпеть не могу, когда в глаза лезут волосы, поэтому они у меня только на макушке, а на затылке в последний раз попросил выбрать просто зачётную надпись: «Kill¹».

– Норм, хотел поделиться новостями. – На всякий случай смотрю на дверь, проверяя, закрыл ли её. Хотя вряд ли это не так. Табличка «Не входи, убиваю взглядом» с моей стороны не висит. Значит, она снаружи.

¹ kill– англ. убивать. Звучит так же, как сокращённое имя героя Killan.

– Мелинда показала свои сиськи? – интересуется мой лучший друг. Чуток завидую ему, он на днях даже взасос целовался. Ещё один повод, чтобы ехать в Испанию: девчонки там однозначно лучше.

– Не, – морщусь я. – Я тут узнал, что она их уже показывала в школьном туалете Уолтеру. В общем, Мелинда – это отстой.

– А что тогда?

– Кажется, мои родаки хотят приютить у нас какую-то девчонку.

Доминико перестаёт жевать и придвигается ближе к экрану.

– От своих ты ничего такого не слышал? – продолжаю я.

Мне нужно подготовиться заранее. Я не стану терпеть у себя в доме не пойми кого. Тем более какую-то девчонку! Если это правда, и им мало меня, останусь жить в Испании. Пошли они!

– Не-а.

– Капец. – Отшвырнув футболку куда-то за плечо, закидываю ноги на свой стол.

– Килл, а сколько ей лет?

– Без понятия, – злобно цежу я. – Слышал только про какой-то пожар и имя. Адриана, – нехотя выжимаю из себя последнее слово. Когда у чего-то есть название, оно становится реальным, а меня бесит сама мысль о том, что я всё услышал правильно. – Мне не нужна ни младшая, ни старшая сестра, Ник!

– Да не гони ты! Может, всё не так.

Я ненадолго задумываюсь, осматривая свою комнату, обклеенную плакатами Неймара, и на секунду представляю, что мне придётся уживаться с бездомной уродиной. У нас квартира большая, но вряд ли ей удастся быть незаметной. Предки будут заставлять помогать ей или общаться с ней, а я терпеть не могу, когда меня к чему-то принуждают. Про деление территории даже думать не хочу. Это мой дом и мои родители! А если она и на каникулы со мной пойдёт?

– Ник, помнишь нашу клятву?

– Под трибунами? Такое разве забудешь! У меня же шрам до сих пор есть, – Ник довольно демонстрирует запястье с «меткой».

Когда нам было шесть, мы залипали на ковбойских фильмах, и в одном из них увидели, как друзья дают клятву верности, и я предложил повторить. Нужно было лезвием «продлить» линию жизни. Правда, Доминику потом вызывали скорую, так как оно у него соскочило и резануло прямо по вене, а меня на месяц лишили компьютерных игр и телефона за эту гениальную идею.

– Пообещай, что мы никогда её не нарушим, – на полном серьёзе прошу его. Я хочу знать, что буду не один в этой «войне».

– Конечно, не нарушу, ты чего?

– Повтори её, – впиваюсь в друга взглядом Шерлока, чтобы проверить его честность. Ну, и память.

– Нашу дружбу никто и никогда не разрушит. Кто бы ни встретился на нашем пути, мы не позволим ему встать между нами.

Пока Ник проговаривал эту клятву, я слово в слово повторял её за ним, глядя ему в глаза. В ту минуту я был на сто процентов уверен в данном обещании и в том, что точно не стану тем, кто его не сдержит.

Глава 1 Адреналиновая зависимость

Настоящее

Адриана

На днях мне на глаза попала забавная статейка, где говорилось о действии адреналина на человеческий организм. Якобы он помогает подготовить мышцы и тело к потенциальной угрозе и опасной ситуации и активировать необходимые механизмы выживания. Видимо, это одна из причин, почему я в постоянном поиске острых ощущений. Мне нравится ходить по краю, и я впервые поняла, что чувствую большее удовлетворение от жизни, когда испытываю судьбу или играю с чем-то рискованным.

Или с тем, кто держит меня в ежедневном тонусе благодаря непрекращающейся вражде.

Киллан.

На протяжении вот уже восьми лет этот парень является моим источником адреналина. В наших бесконечных военных действиях мы то и дело рокируемся, удивительным образом сохраняя равновесие так, чтобы среди нас двоих никогда не было ни победителя, ни проигравшего. Сам о том не догадываясь, Киллан помогает реже вспоминать о том, какая я на самом деле: гораздо хуже, чем он себе представляет.

И гораздо хуже, чем он.

– Готово, – прокуренный голос мастера пирсинга Софи врезается в эти унылые размышления.

– Уже? – искренне удивляюсь я.

– Адри, ты моя любимая клиентка! – прыскает она. – Вот хоть бы раз пискнула.

Пожимаю плечами в ответ, потому что проявлять радость, как все нормальные люди, я не умею, и приподнимаюсь на кушетке, чтобы оценить результат.

– Красиво. Ты молодец, Софи, – сообщаю будничным тоном.

Примерно представляю, как выгляжу со стороны: безэмоциональная злобная сука, у которой отрицательных качеств и вредных привычек больше, чем мусора в комнате моего... брата. Не люблю его так называть даже про себя, ведь он мне никто. Посторонний, чужой человек, который по воле судьбы стал соседом по квартире.

Чёрт, почему я о нём вспоминаю уже второй раз за пару минут?

«Может, потому что ты сегодня видела и слышала то, что не должна была?» – услужливо напоминает внутренний голос.

– В следующий раз расскажешь, как отреагирует твой парень, – подмигивает девушка. – Три-четыре недели с тобой нужно обращаться о-очень бережно, – загадочно тянет она, делая двусмысленные намёки.

– У меня нет парня, я делаю это для себя. – Встав на ноги, по-шуструму поправляю футболку и натягиваю чёрную джинсовую юбку.

В повседневной жизни я не ношу юбки, если не считать теннисную, которую надеваю на тренировки. Но на ближайшие дни джинсы и грубые ткани противопоказаны, так что пришлось пожертвовать своим привычным комфортом. Бросаю взгляд в зеркало, отражающее мрачное лицо, обрамлённое густыми волосами кофейного цвета, чтобы посмотреть, какой меня будет видеть Киллан на сегодняшнем мероприятии.

Желание бросать ему вызов вьелось в подкорку мозга. Но сколько бы я ни готовилась к атакам, он всегда придумывает что-то более изошрённое и заковыристое. Наверное, ещё и поэтому я люблю отбивать их равнодушием, чтобы позлить побольше. К сожалению, не всегда получается сдержаться, и тогда я пускаю в дело крики, бранные слова, а в особо тяжёлых случаях – побои. Возможно, громкое слово для взаимных поджопников, которые были частым

явлением в первые два года, но тем не менее оно имело место быть. А потом мы стали взрослеть, и на место физического воздействия пришли издёвки, подколы и упрёки.

Готовила Адриана? – Что за отстой.

Убиралась Адриана? – Такой неряхе нельзя доверять уборку.

И это при том, что в спальне Киллана царит настоящий свинарник.

В детстве он даже не ленился выковыривать волосы из сливного отверстия в нашей общей ванной, чтобы украшать ими мою подушку. Я в этом плане была менее оригинальной и не придумывала ничего лучше, чем подменять соль на сахар или вытаскивать его нестиранные вещи из корзины для белья, чтобы складывать их аккуратной стопкой и выдавать за чистые.

Хотела бы сказать, что мне жаль Макса и Лили за то, что им приходится быть свидетелями наших баталлий, но не скажу. Это они проявили инициативу забрать к себе беспризорную девочку, а я до сих пор не могу ответить однозначно: рада этому или нет. Их проклятый сын сделал всё, чтобы в его доме мне не было покоя.

Разъехаться по разным квартирам нам пока не светит, так как у меня просто нет на это свободных денег. К тому же, у Макса сейчас разгар предвыборной кампании, и наша образцово-показательная семья под прицелом не только репортёров, но и общественности. А это значит, что у всех на виду мы должны вести себя как подобает и выглядеть дружными и счастливыми. Представляю, какой фурор мы бы произвели с Килланом, если бы показали свои истинные лица.

Переминаюсь с ноги на ногу, чтобы привыкнуть к новым ощущениям, и они мне определённо нравятся. Мои ожидания полностью совпали с реальностью, ведь именно этого я и хотела: усилить свою внешнюю чувствительность, чтобы подавить внутреннюю.

Сегодня суббота, а значит, после банкета у меня будет полтора дня блаженного одиночества наедине с музыкой и чертежами, так как с понедельника мне снова предстоит плестись в ненавистный Джорджтаунский университет. Здесь учатся детишки чиновников и всяких крутых чуваков, стоящих у верхушки власти. Элита, одним словом. Ну, и шепотка умников, которые пробились сюда благодаря серому веществу и таланту. Природа не наградила меня незаурядными способностями. Отсюда следует вывод, что я отношусь к первому контингенту, то бишь к элите. Именно на это делала упор психолог, когда речь зашла о выборе профессии, а мне пришлось притвориться, что я безумно счастлива стать частью местного бомонда, лишь бы не подводить своих опекунов.

Макс и Лили – потрясающие люди, которые из кожи вон лезли, чтобы я прижилась в их картине мира. Вот только я по сей день чувствую себя на ней кляксой, испортившей весь пейзаж.

В универе мы тоже постоянно сталкиваемся нос к носу с Килланом, который при моём появлении в радиусе досягаемости неизменно строит такую рожу, будто я – кусок грязи, прилипшей к его начищенной подошве. Да, это всё мой «братец». Нам обоим несказанно повезло учиться на дипломатов, потому что, по словам Макса, это «престижно, дальновидно и разумно». Со мной всё понятно. Мне сложно перечить людям, взявшим надо мной опеку, а почему этого не делает их родной сын?

Единственная причина, по которой я с натяжкой могу поставить Джорджтауну средний балл по своей личной шкале интересов – это высокая концентрация богатых парней. Особенно это касается ровесников, у которых как раз период бушующих гормонов, что мне очень на руку: им не нужны длительные связи. Сейчас их половые органы, как флюгеры, направлены на девушек двух категорий: первая – «я б ей вдул» и вторая – «она точно даст». И я этим пользуюсь с выгодой для себя, так как банковский счёт, доставшийся по наследству от покойных родителей, пока не прикосновенен, а деньги на особые нужды лишними не бывают.

Моё общение с парнями никогда не длится дольше пары недель, и стоит им подсесть на заготовленный крючок, наши отношения разрываются. Как правило, раньше, чем мы доходим до стадии поцелуя. Помощницей в этих разрывах выступает закадычная подруга Николь, сестра Доминика.

Эти двое, пожалуй, единственные, с кем я могу немного расслабиться. И это ещё один гигантский камень преткновения между нами с Килланом. Его аж трясёт, когда он видит наше милое общение с его лучшим другом.

Николь уже год живёт в Вашингтоне в отдельной квартире через квартал от нас, а Доминик прилетел в этом году, так как перевёлся в Школу бизнеса GU². Более перспективную, по его словам, но мне кажется, дело в чём-то другом. И я обязательно это выясню, как только выдастся подходящий момент. Или как только Киллан перестанет таскать его с собой по тусовкам и даст нам возможность пообщаться, как в прежние времена.

Доминико с самого начала взял на себя роль моего защитника, в то время как Киллан рычал, словно пёс, охраняющий свои владения.

Так я и живу уже восемь лет: между льдом и огнём. Один обжигает холодом, а второй пытается согреть своим теплом. «Пытается», потому что вряд ли у него получится довести дело до конца. Десять психологов не справились, а он тем более не всемогущий.

Но несмотря на объявленную мне войну, у нас с Килланом всё-таки есть кое-что общее: мы оба не на своих местах. Мы оба хотим от жизни не того, что внушают нам родители.

И он пока не догадывается, что я в курсе его тайной жизни. Но этот козырь пока приберегу на особый случай.

² GU – Джорджтаунский университет

Глава 2 Шантаж

Киллан

«Килли, я случайно забыла трусики у тебя. Когда их можно забрать?»

Килли?

Без долгих раздумий заново брюнетку, имени которой так и не спросил, в чёрный список и осматриваюсь по сторонам в поисках её трусов, чтобы выбросить. Вот зарекался не приводить домой всякую шваль, а теперь и самому себе сложно объяснить, какого чёрта я нарушил своё же правило. Да, у родителей традиционный пятнично-субботный отдых на двоих в загородном отеле, но это не повод для подобных гулянок в их отсутствие.

Вчерашний кураж из-за первой победы и большого выигрыша – жалкое оправдание. Наутро основная причина этого нарушения приобрела вполне ясные черты: гнев, ярость и бешенство в квадрате. Давно меня не накрывало такой злобой. Больше всего раздражает то, что на такие уничтожающие эмоции способен вывести всего один человек, причём не прикладывающий для этого особых усилий. Адриане Линден достаточно просто быть. Накануне пришлось в очередной раз убедиться, что все девки продажные, только у каждой цена разная. Даже у моей чёртовой неродной сестры она есть, как выяснилось. У нас обеспеченная семья, но ей этого мало.

Меркантильная стерва.

Так я и вывел самостоятельно решение уравнения с одним неизвестным: приведя в наш дом левую сучку, мне не терпелось продемонстрировать Адриане своё отношение к таким, как она. Но легче почему-то не стало. Совсем наоборот.

Покинув спальню, прихожу к выводу, что я дома один. Обычно по утрам субботы застаю одну и ту же картину: моя «типа-сестра» колдует к возвращению родителей что-то чертовски вкусное, в чём я, конечно, ни за что не признаюсь. Знаю, чем она занимается: хочет набить себе цену и выглядеть в глазах посторонних лучше, чем выгляжу я. Жаль, мы выросли из того возраста, когда я мог со всей дури шлёпнуть её по заднице или дёрнуть за хвост. Тогда это расценивалось как дурачество, а сделай я так сейчас – уже будет смахивать на флирт. Хотя руки зудят от такого желания, не скрою. Мать с отцом явно что-то упустили в её воспитании, таская по консультациям в поисках причин провала в памяти и отчуждённого поведения. Я бы сделал это в сто раз лучше. За пару сеансов.

Пока тащусь на кухню, чтобы включить кофемашину, открывается входная дверь. Хочу оскалиться и бросить в лицо вошедшей что-то вроде: «Возвращайся туда, где ночевала», хотя мне прекрасно известно, что ночью она была дома, но язык буквально прилипает к нёбу, когда я вижу Адриану в короткой, мать его, юбке. Это что-то новенькое. Напустив на себя токсичный вид, складываю руки на груди и жду, когда она заметит, что здесь не одна.

Встав боком, она наклоняется, принимаясь расшнуровать кеды. В результате, юбка задирается так, что я точно рассмотрел бы то, что мне нельзя рассматривать, если бы стоял позади. В горле резко становится сухо, и моя деланная бесшабашность сменяется каким-то незнакомым чувством. Недоумением? Да, похоже, это оно. Линден в самом деле удивила своим прикидом. Её голых ног я не видел ни разу. Она и в отпуске на островах вечно заматывает на бёдрах какой-то платок, или как там он правильно называется...

– Чёрт, разве можно так пугать, Киллан? – выдыхает Адри, сдвинув тёмные брови, но не мешкая начинает приближаться, потому что мимо меня пролегает единственный путь к остальным комнатам.

Достигнув препятствия в моём лице, она останавливается напротив, один в один копируя мою позу.

– Я не под наркотой, ничего не пила, травку не курила, – выкладывает отчёт, в открытую издеваясь.

– Будто мне интересно, – морщусь я, пренебрежительно проходясь по ней сверху вниз. – Это проблемы твоих дружков.

– Дружков? – на её лице проскальзывает непонимание, но оно мигом испаряется, сменяясь воинственностью. – В отличие от тебя, я не привожу домой кого попало.

Слышала, значит, вопли моей забаненной гостьи. Это чудесная новость.

– В отличие от тебя, у меня есть на это полное право, – жалею её в ответ и тут же прикусываю язык.

Чёрт, я не прав, но извиняться не стану. Это прерогатива слабаков. Это перед Килланом Кроу всегда извиняются, а не наоборот.

Синие глаза Адрианы приобретают ледяной оттенок. Они выражают абсолютное ничто, и это – самое поганое. Передо мной стоит профессиональная подделка, копия настоящего человека. Как я ни старался, мне до сих пор так и не удалось до конца разгадать девчонку, ставшую членом нашей семьи.

Она слегка приоткрывает губы, акцентируя на них всё моё внимание. Алый цвет придаёт их хозяйке ещё более блядский вид. Мало ей пирсинга? Словно прочитав эти мысли, Адри проводит языком по нижней губе, задевая серебристое кольцо ближе к уголку рта. Это незначительное действие вызывает в паху неконтролируемое напряжение, но она сама спасает ситуацию, когда начинает произносить практически по слогам:

– Иди к чёрту, придурок.

Что-то мне подсказывает, сейчас она была очень сдержанной в выражениях. Обычно её голосовые связки воспроизводят такую нецензурщину, что ей позавидовал бы матёрый грузчик, а тут сама вежливость.

Скинув косуху на банкетку, Адриана двигает в сторону своей комнаты, намеренно задевая меня плечом. Провожая её взглядом, о чём жалею уже спустя несколько секунд: её обнажённые ноги и виляющая задница отзываются во мне совсем не теми реакциями, которые я возвращал на протяжении многих лет. И это конкретно напрягает.

Меня напрягает всё, что неподвластно контролю.

Просто непроизвольный утренний стояк слегка запоздал. Однозначно причина в этом.

Пойду-ка я в душ, кофе подождёт.

Адриана

– Вот это да! Адри, ты выглядишь, как... как... – Лилиан восхищённо оглядывает меня с головы до ног, сложив ладони перед лицом.

– Как проститутка, – заканчивает за неё Киллан, вошедший в гостиную вслед за мной.

– Киллан! – возмущается его мать, скрещивая руки на груди. – Быстро извинись!

Попытки Лили воспитать собственного сына сейчас выглядят забавно. Он – копия отца, выше матери на две головы, а за последний год его спортивное тело стало ещё более мускулистым, поэтому рядом они смотрятся, как чихуахуа и алабай. Конечно, Килл любит родителей, но он уже вышел из того возраста, чтобы послушно встать в угол в качестве наказания.

Сделав вид, что не услышала оскорбления и не заметила присутствия этого грубияна в комнате, с невозмутимым видом поворачиваюсь к зеркалу, чтобы нанести на губы яркую помаду. Ещё один раздражитель недобрата. Каждый раз, когда он пялится на мой рот, у меня такое чувство, что у него начинается несварение: настолько кривой становится его физиономия. Я готова смириться с тем, что он отрёкся от меня как от своей названной родственницы, но тот факт, что я ему противна как человек, периодами отдаётся непонятным колющим чувством в груди.

– За что извиняться? Ты сама не видишь, как она вырядилась? – В отражении замечаю взмах рукой в мою сторону. *Спасибо, хоть не добавил: «Она – позор нашей семьи».* – Или мы едем тусоваться в ночной клуб, а не в особняк Шилдсов?

– Киллан, девочке двадцать, – застывает за меня Лили.

Ещё бы, она сама была инициатором покупки мини-платья с расклешённой юбкой и корсетом, слегка приподнявшим то, что в анатомии называется грудью. Мой первый размер не раз становился предметом стёба Кроу, и я согласилась приобрести эту действительно вызывающую обновку, только чтобы поскорее покончить с многочасовым шоппингом. Я не собиралась так одеваться, но, когда утром увидела реакцию Киллана на свои ноги, судьба платья была предрешена.

– Мне тоже двадцать! – рывкает он в ответ. – Но я не плетусь на светский раут в пляжных шортах.

– Так, что за разборки? – Макс с громким возгласом присоединяется к нашему милому трио, а я уже делаю вид, что увлечена соцсетями, неспешно водя пальцем по экрану смартфона.

– Макс, поговори со своим сыном, у меня скоро трясушка начнётся от его хамства.

– Я вообще-то и *твой* сын тоже. Подожду внизу *вашу* идеальную семью! – взрывается Киллан. Услышав в его тоне минорные ноты обиды, всё же поднимаю к нему свои глаза. Нервно скомкав пиджак в руках, Киллан широким шагом проходит мимо и, стрельнув в меня коротким уничтожающим взглядом, скрывается за входной дверью.

– Мне переодеться? – уточняю на всякий случай, чтобы не разжигать конфликт ещё больше. – И, вообще, мне обязательно ехать с вами?

– Нет и да, – отвечает Макс, подтягивая галстук к шее. Его хорошее настроение не пострадало от нашей небольшой перебранки. – Мы – одна семья. Не обращай внимания на Киллана. Наверняка на личном фронте не всё гладко, вот и психует не по делу.

М-да, на личном фронте у него вряд ли трудности, если судить по оперной арии из его спальни сегодня ночью.

Погрустневшая Лили медленно подходит ко мне:

– Адри, я уверена, что он не думает так о тебе на самом деле. – *Ага, как же.*

– Лили, всё нормально, – подбадриваю её я. – Я привыкла, и меня его слова уже давно не задевают.

Конечно, это враньё. Правда, они задевают странным образом. Мне ещё больше хочется вести себя хуже, чем я есть, чтобы оправдать его ожидания.

– Кхм-кхм, – привлекает наше внимание Макс. – Это чьё?

Мы обе поворачиваемся и видим, как он, с опаской вытянув перед собой руку, двумя пальцами держит женские трусы. Судя по реакции, они принадлежат не его жене. Вздыхаю, смекнув что к чему.

Из Лилиан вырывается какой-то нервный смешок. Она сто процентов догадалась, чьих это рук дело. Если они сейчас узнают про ночные похождения своего сына, ему точно кранты. Мне бы позлорадствовать и сдать этого засранца, но мой рот сам не ведает что творит, когда произносит:

– Это мои. Наверное, выпали, когда я несла кучу белья из прачечной, – подойдя к Макс, я выдёргиваю красную тряпку из его пальцев и зачем-то запикиваю в свою сумочку. *Фу, придётся потом её стерилизовать.*

– Они по пути залетели за диванную подушку? – изгибает бровь мужчина. *Его не проведёшь.*

Молча пожав плечами, мол, сама не знаю, как так вышло, я торопливо направляюсь к выходу, чтобы составить компанию «брату» и всучить ему труселя. Заодно стрясу с него сотню баксов за молчание.

– Я тоже подожду внизу, – оповещаю, прежде чем покинуть апартаменты.

– Спустимся через десять минут! – летит вдогонку от Лилиан.

Уже выйдя на улицу, я спохватываюсь, что второпях забыла надеть приготовленный кашемировый свитер. Вашингтонский октябрь хоть и тёплый, но вечерами довольно зябко, особенно в моём наряде с открытыми плечами. Только собираюсь вернуться обратно, как замечаю возле вазона с пышными цветами Киллана, выпускающего колечки сигаретного дыма куда-то к звёздам. Одна рука в кармане брюк, ноги широко расставлены, пиджак небрежно перекинут через плечо. Поза выглядит обманчиво расслабленной, но я-то знаю его истинное состояние.

Не сосчитать, сколько раз в прошлом я украдкой наблюдала за такими же дымными кольцами, выплывающими из его окна. Наши спальни находятся рядом, поэтому, сидя на подоконнике, мне удавалось оставаться тайным свидетелем небольшой слабости сводного брата.

Как правило, Киллан дымил особенно много после ссор с родителями или неудач в его экстремальном увлечении. Минута за минутой я продолжала пялиться на серые клубы, как замороженная. Понятия не имею, сколько сигарет он истреблял за вечер, но я и сама незаметно для себя из пассивного курильщика превратилась в активного. Мне было шестнадцать, когда я захотела повторить за ним. Киллан до сих пор не догадывается, что почти всякий раз курил не в одиночестве. Мне это не нравилось тогда, не нравится и сейчас, но я почему-то намеренно продолжаю уничтожать свой организм изнутри. Правда, в моём случае сигареты электронные.

– Дай мне тоже. – Я внаглую встаю рядом, не глядя на него.

Боковым зрением вижу, что он застывает, а через несколько мгновений передо мной материализуется его рука с протянутой пачкой «Nat Sherman». Внутренне посмеиваюсь. Какая бы вражда ни была между нами, мы всегда понимали друг друга с полувзгляда и полувзвуча. Парадокс.

– Прикури, – требую я.

К моему удивлению, он не хамит и не противится. Еле слышно фыркнув, он вынимает свою сигарету изо рта, заменяя моей, и, прикурив, протягивает мне. Молча вставляю тлеющую палочку в рот и затягиваюсь, только сейчас осознавая, что пару мгновений назад её обхватывали губы Киллана. Красивые губы, стоит отметить. С ровным контуром, в меру пухлые, но совсем скоро они заострятся в тонкие полосы, если Кроу не перестанет вечно злиться.

Странно, что он уступил, не задавая лишних вопросов. Мне захотелось в очередной раз испытать его, а теперь ума не приложу, что с этим делать. Навряд ли он думает, что я не умею пользоваться зажигалкой. И маловероятно, что он в курсе моего застарелого страха, о котором я не говорила ни единой душе, даже мозгоправу. Признать свою слабость – значит дать другому человеку преимущества, которые могут сыграть против тебя.

Неожиданно на мои плечи ложится пиджак, отчего я слегка вздрагиваю. Да, я потирала плечи ладонями, но этот заботливый жест Киллу совсем несвойственен. Порой я ощущаю острую необходимость в навигаторе, который направлял бы меня по нужному маршруту в запутанном лабиринте его мыслей.

– Надоело держать, – буркает на мой произнесённый вопрос. – И он помялся, поэтому я всё равно не стану его надевать. – *В этом он весь. В жизни не признает, что в нём есть что-то хорошее. Как и я.* – И забудь о том, что я сказал, – добавляет вместо извинений.

– Что я должна забыть? – подхватываю, притворяясь, что моя память уже обнулилась. Пока что у меня ловко получается создать видимость перемирия, а он ведётся.

Киллан усмехается и продолжает молча курить, глядя на проезжающие мимо машины. Мы живём в самом центре города на оживлённой улице, и мне это очень нравится. Здесь почти нет риска остаться без помощи в трудной ситуации.

– С тебя сто долларов, – преспокойно выдаю я, выбрасывая сигарету в урну.

– Чего-чего? – удивляется он с кривой ухмылкой.

Я, наконец, смотрю на него, чтобы полюбоваться негодованием.

– Ты прав, это мало. – Выудив из сумочки трусы, я показательно трясу ими перед его лицом. – Я только что сказала родителям, что они мои, поэтому с тебя сто долларов и ещё пятьсот сверху за сумку. На антисептик для рук, так и быть, сделаю скидку.

Киллан начинает громко смеяться, запрокинув голову. У меня нет времени ждать. Скоро спустятся Макс и Лили, и я не успею вытрясти из него бабки. Хватаю Кроу за предплечье, что сразу возвращает его на землю. Странно покосившись на мою ладонь, он заявляет:

– Раз ты сказала, что это твои трусы, значит, они твои. Я-то здесь при чём?

– Вот ты говнюк! И я ещё спасала твою задницу? Да пошёл ты! – швыряю бельё в его надменную рожу и бросаюсь к BMW Макса, припаркованной неподалёку.

– Я дам деньги, если скажешь, зачем они тебе! – кидает мне в спину.

– Отвали!

Больше ни за что не стану его выгораживать. Найду на него более весомый компромат, и тогда он точно не отвертится.

Глава 3 Высшее общество

Киллан

Пора срочно менять тактику и занять позицию не нападающего, а защитника, играющего на своей половине поля. *Это же легко, Киллан, верно?* Включи холодный разум, подмешай щепотку равнодушия, поменьше с ней разговаривай и будет тебе счастье.

Но сказать легче, чем сделать. Это всё выходит непроизвольно, как вдох и выдох. Ну не получается у меня нормально общаться с Адрианой. Раньше я постоянно видел в ней того, кто встал на моём пути: соперника. А что делают с соперниками? Правильно: состязаются с ними. И если до этой поры ни разу не приходилось оставаться в дураках, то сегодня утром на меня снизошло чёртово озарение в виде иллюзии светящегося табло со счётом 0:1.

Не в мою пользу.

Это слегка выбило из колеи. Подкосило. Сам не знаю, какой бес меня попутал, когда я стал поливать Адри грязью. Это стало некой дурной привычкой, которая портит существование, прежде всего, мне, а не ей. А она молодец: даже ухом не повела. Кремень, а не девчонка. Попробую воспользоваться её же стратегией. Проверим, насколько меня хватит и хватит ли. Я вроде неплохо держался, пока она не стала мотать чужими трусами перед носом, по-настоящему развеселив. Она точно подумала, что я насмехаюсь над ней, но так ещё лучше.

Мы сидим вдвоём на заднем сиденье, но между нами такое расстояние, что поместятся ещё трое. Периферийным зрением улавливаю, как она что-то быстро печатает в телефоне. Спустя десять минут этой нелепой слежки меня потихоньку начинает затапливать злость. Достав свой смартфон, захожу в мессенджер и сразу проверяю статус Доминика.

В сети.

Чутьё у меня, сука, превосходное. Набираю ему:

Киллан: «Здорово, Ник. Чем занят?»

Он по-прежнему в сети, но моё сообщение не читает. Сбоку продолжает светиться экран смартфона, пальцы Адрианы шустро по нему бегают, останавливаются, бегают и снова останавливаются. У них, блядь, бурная переписка, и это просто вымораживает.

Она отняла у меня всё: родителей, дом, лучшего друга, а в довесок к перечисленному ещё и грёбаный покой.

Доминик: «Дрейк вытащил меня в «Чилли». Не хотите присоединиться?»

Упираюсь затылком в подголовник и прикрываю глаза в попытке успокоить свои долбанные нервы при виде слова «хотите» вместо «хочешь». По-любому уламывал Адри поехать с ним, она отказалась, и теперь он надеется выманить её через меня. Чёрта с два.

«Чилли» – ночной клуб, в котором устраивают закрытые вечеринки. Знаю, что там распространяют наркоту, так как неоднократно был свидетелем неадекватного поведения обдолбшей, но иногда позволяю себе покуражиться в этом месте. Конечно, без всякой травки или чего потяжелее. Я хоть и курю, на подобную дурь не сяду никогда. Мне было тринадцать, когда отец провёл первый ликбез по этому поводу, запустив слайд-шоу с наглядной демонстрацией последствий. После просмотра меня вытошнило прямо на ковёр, а картинки людей, валяющихся в конвульсиях в собственных испражнениях, ещё долго стояли перед глазами. Противно, зато действенно.

Адриана тоже при этом присутствовала, и я то и дело поглядывал на неё, чтобы застать тот момент, когда увижу на её лице такое же отвращение, что и у меня, но наталкивался только на застывшую мимику. Идеальное, ничего не выражающее лицо.

Пишу другу затянувшийся ответ:

Киллан: «У нас крышесносная тусовка у Шилдсов. Не сегодня»

Доминик: «Ха-ха. Не обмочись от веселья»

*Киллан: *Эмодзи среднего пальца**

Доминик: «Я серьёзно. Приезжайте, если сможете. Зажжём»

Киллан: «В другой раз»

За последние месяцы Доминик обзавёлся в Вашингтоне кучей приятелей, быстро стал знаменитостью в GU благодаря успехам в футболе, достигнутым за годы тренировок в Испании. Сейчас он уже капитан местной команды, не знает отбоя от девчонок, но, что-то подсказывает, нужна ему совсем другая.

Когда-то я тоже увлекался футболом, но всё резко поменялось.

Я поменялся.

Вплоть до того, что и окружающий мир стал казаться другим. Сначала я был слишком мелким, чтобы это осознавать, а потом свыкся. Да и не раз слышал удобную фразу, когда родители обсуждали моё дурное поведение: «У него переходный возраст». Мне эта причина понравилась. Я ей прикрылся, как огнеупорным одеялом, защищающим от пожара.

– Сын, просыпайся, – участливый голос матери вклинивается в воспоминания, за которыми я и не заметил, как мы добрались до места.

Открыв глаза, смотрю влево, но меня встречает пустота. Адриана уже по-тихому вышла. Сбежала. Жаль. Я был бы не прочь подзарядиться от очередной стычки. Отца тоже уже нет.

– Киллан, у тебя всё в порядке? – Мама практически перелезает назад, чтобы дотянуться до меня и взять за руку. На её лице беспокойство. – У меня ощущение, что у тебя происходит что-то плохое, но ты не хочешь в этом признаваться.

Кривовато улыбаюсь, чтобы уверить её в обратном:

– В полном. Ты разве увидела что-то новое в моих поступках?

Она продолжает внимательно изучать мои глаза, пытается отыскать скрытую правду, но, по сути, я и не лгу ей. Кто бы дал чёткое объяснение неуправляемой вспыльчивости, ставшей неотъемлемой частью меня? Я ей тоже не рад, поэтому пользуюсь доступными способами выхода агрессии.

– Тогда пойдём? Внесём чуток веселья в их чванливое сборище? – Заговорщицкое подмигивание, последнее лёгкое касание ладони, и мама отстраняется.

Хоть в чём-то мы единодушны. Усмехнувшись, вылезаю из салона, сразу попадая в атмосферу высшего общества: тут тебе и инструментальная музыка, льющаяся из уличных динамиков, и персональные парковщики, и муравейник из гостей в вечерних нарядах. Обвожу взглядом толпу и сразу натываюсь на Адриану, бросившую вызов дресс-коду. Не думаю, что кто-то ещё отважился наведаться в дом сенатора в мини-юбке.

Кулаки в карманах сжимаются сами по себе, когда вижу, что к Линден уже подкатил свои убогие яйца старший сынок Шилдсов – Майлз. Лицемерный ублюдок, строящий из себя прилизанного денди, а на деле – самый настоящий отморозок. Недавно по универу гуляло порно-видео, в котором наглаживала себя его бывшая девчонка с нашего курса. Я подключил отца, чтобы удалить ролик из сети, но она не выдержала насмешек и косых взглядов: забрала документы и ушла в другой университет. Майлз отрицал свою причастность, но я задним местом чувствую, что это он. У меня врождённый нюх на ублюдков, поэтому держать ухо остро и ограничивать контакты с подобными типами – основные правила безопасности, усвоенные мной давным-давно.

Но ими регулярно пренебрегает Адриана.

Адриана

До сих пор не могу привыкнуть к подобным скучным вылазкам несмотря на то, что Кроу таскают по ним с детства. Со слов Лилиан мне известно, что я тоже вертелась в этих кругах, но тот период жизни стёрся из памяти, оставив после себя лишь рефлексы и периодические

вспышки воспоминаний, которые, по большей части, могут быть попросту снами. *Страшными снами.*

У Макса море знакомых у самой верхушки власти, и посещение таких мероприятий – своеобразная дань уважения, которую мы обязаны подносить всем семейством. Не уверена, что хоть кому-то из нас это доставляет удовольствие, но деваться некуда.

Сегодня день рождения у дочери сенатора Чака Шилдса – Рейчел, и я на дух её не переношу сразу по нескольким причинам. Хорошо, что неприятие никак не отражается на лице, иначе меня не пустили бы даже на порог. Вот уж кто не стесняется своих негативных эмоций, так это Киллан. Втайне всегда восхищалась этим его свойством: он ни за что не станет лизать кому-либо зад, даже если этого требует негласный этикет.

– Адриана, ты как всегда сногшибательна! – мне навстречу выходит Майлз, чей язык разработан, наоборот, как надо: он тот ещё подхалим.

Высокий блондин, который всего год назад был тощим, как палка, а теперь сидит на стероидах и зависает в спортзале, чтобы клеить как можно больше девчонок.

Он берёт мою ладонь обеими руками и целует тыльную сторону, слишком долго задерживая на ней слюнявые губы.

– Привет, Майлз. Спасибо. – Вытащив руку из цепких пальцев, прячу её в кармане накинутаго пиджака, незаметно вытирая об подкладочную ткань.

– Как дела? К тесту по международному праву подготовилась?

– Пока нет, – оставляю попытки поддержать дежурный разговор, иначе от него потом не отвяжешься.

Рассеянно верчу головой, прикидываясь, что заинтересована в разглядывании прибывающих гостей, утекающих в сторону огромного особняка. Для посиделок в саду уже не то время года, поэтому всё действие сегодня будет проходить внутри.

– Адриана, верни пиджак. – *О, а вот и братик пожаловал.*

Задираю голову, чтобы взглянуть на Кроу. Его настроение ещё переменчивее, чем погода в Шотландии. Брови нахмурены, серые глаза отливают сталью, челюсти снова стиснуты. Что опять не так? Снимаю пиджак и, ничего не говоря, пихаю ему в грудь. Киллан и не шелохнулся.

– Привет, Кроу, – Майлз протягивает ему ладонь для рукопожатия, но тот даже не смотрит на неё. Проворчав что-то вроде «Угу», Килл обходит нас и устремляется в дом.

Заприметив Макса и Лили, следую за ними вместе с неотстающим спутником.

– Вы не похожи с братом. У него совсем нет манер, – крикает Майлз.

– Может, это из-за того, что он мне не брат? – отражаю этот словесный удар я. Меня раздражает, когда окружающие называют нас братом и сестрой, хотя прекрасно знают, кем я ему прихожусь. Всё моё естество противится этому.

Когда я в мыслях называю Киллана дурацким словом на букву «Б», произношу его с неприязненной интонацией. Иначе говоря, мне можно, другим – нельзя, так как они вкладывают в это иной смысл.

– Ну да, – хмыкает Майлз, больше не находя аргументов.

Дорожка до самого входа устлана красным ковром, подсвечиваемым слева и справа светодиодными фонарями в виде столбиков. Кучка фотографов снимает приглашённых, скорее всего, для завтрашнего новостного выпуска. Кое-как сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза от выпендрёжа, обложившего со всех сторон. Вместо этого старательно делаю вид, что мне нехолодно в своём одеянии, даже немного тоскуя по приятно пахнущему пиджаку Киллана. Шилдс свой не предлагает, да и идти недалеко. Я бы не согласилась.

При входе в банкетный зал невольно застываю. Мы стоим под куполом чёрного цвета, усеянным несметным количеством разноцветных ламп, играющих роль звёзд на ночном небе. Пронумерованные столики, накрытые белоснежными скатертями, декорированы букетами из белых пионов, моими любимыми цветами. Правда, никто об этом не знает. Как-то Лилиан

подарили на работе целую охапку пионов, которые спровоцировали у неё аллергическую реакцию в виде волдырей по всему телу. Мне дали поручение выбросить их, но я этого не сделала. Притащила цветы в спальню и хранила в гардеробной, пока они не превратились в гербарий.

Шагаю вслед за своими опекунами к нашему столику, напрочь забыв о Майлзе. Киллан уже сидит на месте без пиджака и лениво оценивает обстановку, закинув руку на соседний стул. Поскольку я дохожу последняя, он оказывается единственным свободным, поэтому за неимением других вариантов решительно сажусь рядом.

Откинувшись назад, нечаянно касаюсь обнажённой спиной его пальцев. Кожа в этом месте миг начинает пылать, и я чуть было не подаюсь вперёд от незнакомых ощущений. Это же всего лишь незначительное касание, что со мной? Чтобы не выдать себя, продолжаю сидеть неподвижно, словно и не почувствовала помехи. Но что поражает, так это отсутствие реакции у Киллана. Он, какого-то чёрта, не убирает руку со спинки моего стула.

Вокруг играет музыка, мужские и женские голоса разных тембров соединились в одно неразборчивое месиво, но всё это превращается в отдалённый фон, потому как в это самое мгновение я всем своим существом перемещаюсь в другое измерение. В ту точку, в которой пересеклись наши с ним тела. Я настолько сосредотачиваюсь на знакомстве с новыми волнующими образами, что в какой-то момент мне начинают мерещиться едва уловимые поглаживания.

Хочется вытрясти из головы этот сиюминутный дурман, делающий меня слабачкой. Сохраняя равнодушный вид, тянусь за бокалом с водой, давая Киллану шанс убраться своей чёртовой рукой или хотя бы сдвинуть ладонь. Лили с Максом сидят напротив и о чём-то мило шушукуются, не представляя, какой энергетический вихрь зарождается в шаге от них.

Мы прорабатывали этот момент с психотерапевтами. Очнувшись в больничной палате после той трагедии, я истерила от каждого прикосновения к любому открытому участку тела. Было время, когда я не позволяла им проводить элементарный осмотр, не говоря уже о посещении гинеколога или стоматолога. Каждый контакт ощущался, как удар током и ожог одновременно: мне было физически больно, поэтому в особых случаях прибегали к общему наркозу. Постепенно я научилась абстрагироваться, и теперь мне тоже доступны такие элементарные вещи, как пожатия рук, случайные контакты с людьми в метро, кинотеатре или магазинах, походы в салон красоты и к мастеру пирсинга.

Но то, что я испытывала сейчас... Я не успела переключить разум, поэтому меня так ошарашило произошедшее: мне было приятно. Очень приятно.

Снова опираюсь на спинку, но, почувствовав лишь тканую поверхность накидки, с облегчением выдыхаю.

Внезапно раздаются аплодисменты, и в центр зала выходит виновница сегодняшнего торжества: Рейчел, сестра Майлза. Они с ним погодки, но она тоже учится с нами, и, если верить сплетням в женском туалете, её периодически трахает Киллан. Сексапильная девушка с русыми волосами, подстриженными под каре, и ростом чуть выше меня. Симпатичная, с раскосыми глазами, выразительными губами, но тупая, как пробка. В противном случае она давно поняла бы, что Киллан Кроу ей пользуется, когда ему лень искать новую вагину для своих утех.

За два года учёбы мы едва перекинулись дюжиной слов. Наше студенческое сообщество разделилось на кружки по интересам, и чаще всего всё общение происходит только в пределах каждого из них. Мой кружок состоит из меня и скромницы Дейзи Пейдж, чего хватает с лихвой, чтобы не выглядеть белой вороной. Я не ищу подруг, потому что ближе Николь у меня всё равно никого нет и не будет. Ещё есть Доминик, но, как ни крути, он – парень. С ним я не могу обсудить сугубо женские дела, доверить то, что доверяется только его сестре, или посплетничать о том о сём. А поболтать я люблю, как ни странно. Разговоры всегда отвлекали от пагубных мыслей, коих у меня хоть отбавляй.

Будто почувствовав эти мысли на расстоянии, Доминик присылает сообщение.

Доминик: «Приезжай. Тут скука смертная»

Пользуясь тем, что Рейчел принимает поздравления от ведущего праздника, и на меня никто не обращает ни малейшего внимания, решаю попереписываться с другом:

Адриана: «Зачем терпишь? Езжай домой»

Доминик: «Дома тоже скучно»

Адриана: «А я похожа на клоуна? Лучшие позови Киллана. Он справится на ура»

Только прочитав своё SMS целиком, понимаю, как оно выглядит. Я не имела в виду, что Киллан – клоун. Если только грустный, конечно. Просто пришлось к слову, а назад уже не вернёшь. Доминик – не тот, с кем стоит подшучивать над его другом, каких бы тёрков не было между нами.

Палец висит над дисплеем, пока я раздумываю, что писать дальше, и в этот момент Киллан начинает нервно пританцовывать правым коленом, задевая моё бедро. Резко поворачиваю к нему голову, уверенная, что поймаю его за подглядыванием в нашу переписку, но он с непрошибаемым видом взирает на Рейчел, ничем не выказывая свой интерес к моей персоне. У меня повышенная мнительность.

Чёрт, может, в самом деле, рвануть в «Чилли»? Танцевать вплотную к остальным – не моё, по понятным причинам, но посидеть в лаунж-зоне в приятной компании... Почему нет? Поздравлю дочь сенатора и вызову такси.

Адриана: «Уговорил. Вызову такси минут через двадцать»

Доминик: «Килл тоже едет?»

Адриана: «Спроси у него сам»

Доминик: «Ок. Позвони, как будешь на фейс-контроле. Я встречу»

Через минуту:

Доминик: «Он сам только что написал, что у вас там всё тухло, поэтому согласился на клуб».

Кошусь влево и вижу, что Киллан тоже сидит в телефоне. Совпадение?

– Ты едешь в клуб? – удивлённо спрашиваю я, чуть склонившись к нему.

– Еду, – огрызается он. – Только не говори, что ты тоже.

– Говорю. Это противозаконно?

– Вообще-то да. Тебе *двадцать*, – он делает акцент на моём возрасте, несомненно, вспоминая тираду своей матери.

– Как и тебе, – возмущаюсь я.

В чём с ним проблема? Мы сотни раз были на совместных вечеринках, и он всегда делал вид, что я там – пустое место.

– Я не пью спиртное, Адриана. В этом разница.

Закатываю глаза.

– Ты решил включить режим заботливого родственничка? – шиплю я как можно тише, чтобы нас не услышали родители. *Когда мы тусуемся в клубах, для них у нас есть условная легенда: мы у Николь или Доминика. Мы были вынуждены участвовать в этом заговоре ради общей выгоды.* – В любом случае, мне твоё разрешение не нужно. Я буду с Домиником. Родители ему доверяют.

Киллан мрачнеет и, кажется, порывается добавить ещё пару ласковых, но вовремя берёт себя в руки:

– Так и быть. Поедешь со мной. Но домой отправимся, как только я скажу, понятно? – Я продолжаю безмолвно пялиться на парня, охреневая от его наглости. *Как так вышло, что это он берёт меня с собой, а не я его?!* Не дождавшись ответа, он добавляет: – Не хочу, чтобы из-за твоей безалаберности у родителей были проблемы.

Ах, вот, в чём дело. А то я уже забеспокоилась, что дело в ревности.

Если до этой секунды я ещё сомневалась, ехать или нет, то теперь сомнения как рукой сняло. Дело принципа – выяснить, какая муха укусила моего соседа по спальням. Надеюсь, не заразная.

Глава 4 Дружба?

Доминик

– Приветик, пригласишь на танец одинокую и несчастную девушку? – На моё плечо ложится ладонь с тонкими пальчиками, увенчанными короткими ногтями кислотно-розового цвета, и я с любопытством поднимаю лицо.

Увиденное мне нравится: передо мной стоит светленькая девчонка с нереально длинными ногами. Поскольку я сижу на низком диване, низ её крошечной юбки оказывается как раз на уровне моего лица, и я могу достоверно оценить красоту её ножек. Без стеснения прохожусь по ним взглядом сверху вниз, а затем снизу вверх, завершая турне по девичьему телу на губах, растянутых в соблазнительной улыбке. Сколько ей? Лет восемнадцать? Где она научилась этим хитростям по пикапу?

– Ты не выглядишь несчастной, – приветливо улыбаюсь я и подмигиваю.

Компания, с которой я сюда приехал, уже разбрелась по клубу, поэтому сижу в одиночестве в ожидании своих друзей. Адри с Киллом должны прибыть с минуты на минуту, и медлячок будет не очень в тему.

– Это всё потому, что я увидела тебя и не могу не улыбаться, – продолжает флиртовать красотка.

Она поспорила с подружками, и меня сейчас снимают на камеру? Мы потанцуем, она попросит вбить свой номерок в список контактов, а завтра я проснусь звездой инстаграма* (*Примечание: организация, запрещённая в России*). Не то, чтобы я был против, но мне что-то приелись эти развлечения малолеток. Может, я повзрослел?

– А ты настойчивая, пойдём. – Решаю не обижать девушку, поэтому ставлю бутылку с недопитым пивом на столик и, поднявшись на ноги, беру её за руку и тяну за собой на танцпол.

Просочившись в толпу танцующей молодёжи, притягиваю её за талию, и мы начинаем неторопливо покачиваться в ритме с музыкой. Пока она меня уламывала, половина трека уже прошла, так что осталась пара минут.

Чёрт, я свихнулся. Ко мне всем телом прижимается охренительная симпатяшка, а я уже запустил внутренний таймер. Болван.

– Как тебя зовут, несчастная девушка? – спрашиваю ради приличия.

Подмечаю, что от неё ненавязчиво пахнет какими-то цитрусами.

– Джессика, – отвечает она, случайно задевая губами кожу под ухом. Для этого ей пришлось встать на цыпочки и ещё ниже притянуть мою голову за шею.

Джессика оказалась совсем невысокой несмотря на ноги, кажущиеся бесконечными. Пока кружимся вокруг своей оси, она согревает дыханием мою грудную клетку, и будто невзначай проводит ладонями по плечам в лёгком массаже. Моё имя она не спрашивает, хотя на стеснительную непохожа.

– А я – Доминик, – зачем-то делаю это за неё.

– Я знаю, – она снова привстаёт, и наши лица оказываются в такой близости, что ещё дюйм – и дело кончится поцелуем.

Мы одновременно перестаём двигаться, почувствовав эту ненормальную неловкость. Для меня никогда не составляло труда зажечь со случайной знакомой, особенно когда эти знакомые сами вешаются на шею, но Джессика не производит впечатление легкодоступной девушки несмотря на свой подкат.

– Откуда? – уточняю я, продолжив переступать ногами.

– Мы учимся вместе, правда, я на экономическом. Тебя все знают в GU, – её милая улыбка и кукольное лицо вызывают желание не трахнуть её, а погладить по волосам и угостить шоколадкой.

Плохой знак. В последнее время моя френдзона и так стала чересчур большой. *Прости, малышка, места в ней больше нет.* Меня задолбало быть для всех другом. Кто будет другом мне? Киллан стал отстранённым и замкнутым, Дрейк – это так, товарищ, с которым мы иногда зависаем в клубах, приятели по футболу – просто соратники, и нас объединяет общее дело, а Адриана...

Вибрация в кармане вынуждает прервать танец. Достая смартфон, только чтобы убедиться, что звонит Килл. Наконец-то, они здесь.

– Извини, Джесс, но мне пора. Спасибо, что скрасила мой вечер. – Я отстраняюсь от неё и замечаю мимолётный налёт разочарования, но она быстро возвращает на лицо миловидную улыбку и, кивнув, первая уходит в противоположную сторону.

– Где успел подцепить милашку Джесси Ричардсон? – Адриана плюхается на диван, стоящий напротив, и отпивает из моей бутылки.

– Знаешь её?

– Она пытается набиться в группировку Рейчел Шилдс, – подруга комично морщит курносый нос, не скрывая своего отношения к семейке сенатора. *Я тоже наслышался о них всякого, хотя в Ди-Си³ не так давно.* – Но у той, видимо, строгий кастинг. – Последнее слово она заключает в воздушные кавычки.

Казалось бы, мой взгляд приклеен к лицу Адри, но это ни черта не помогает вычеркнуть её голые ноги из поля зрения. Никогда не видел её в платье, тем более таком коротком. Почему она прятала свою потрясную фигурку под футболками и джинсами?

– А чего спрашиваешь? Ревнуешь?

– Ха-ха, – отвечает она, закатывая глаза, словно я задал тупейший вопрос в мире. – Просто любопытно, она тебя подцепила или ты её. Джессика наверняка знает, что ты дружишь с Килланом. А где Киллан, там Рейчел. Сечёшь?

– Намекаешь на то, что мной сейчас жёстко попользовались? – одариваю её привычной ухмылкой и пытаюсь отобрать своё пиво. Она не отдаёт, и между нами завязывается шутливая борьба. В глазах Адрианы загораются игривые искры, и это для меня самый настоящий кайф – понимать, что я развеселил её, хоть это и не выражается улыбкой. Одно из моих больших желаний: когда-нибудь её увидеть.

– Вот, – голос Киллана громом разносится над столом, и слева от наших сцепленных рук со звоном опускается несколько бутылок. – Тебе безалкогольное. – Он сдвигает две из них в сторону Адрианы и садится рядом со мной, широко расставив ноги.

– С чего это? – негодует Адри, отцепляясь от моего напитка. – Ты портишь всё веселье.

– Веселиться можно, и не напиваясь в дрова.

– Тогда надо было идти в цирк, а не ночной клуб! Зачем мы сюда приехали?

– Я не знаю, зачем *ты* приехала. Я хотел с другом пообщаться, а ты?

Адриана скрещивает руки на груди и переводит взгляд на сцену, на которой скоро начнётся баттл за безлимитное посещение клуба в течение месяца. Правил здесь нет. Главное – любыми способами заслужить взрыв оваций.

Килл закуривает и выпускает в Адри струю сизого дыма, без слов давая понять, чтобы она заткнулась. Но он слегка опоздал: за мгновение до этого на её хорошеньком личике уже всюю транслировалась потеря интереса к его обществу. Сегодня она выглядит как-то по-особенному, и не факт, что дело только в новом образе.

– Ты не в духе? – спрашиваю друга.

Ещё ночью он радовался победе. *Мы* вместе радовались, как в старые добрые времена. *Ещё бы! Представление он устроил чудовое.*

³ DC – американцы так сокращённо называют Вашингтон, округ Колумбия

– Не выпался, – усмехается он.

Смеюсь, сообразив, к чему он клонит. Открываю бутылку для Адрианы и протягиваю ей. Она с фырканьем отказывается:

– Благодарю, но мой «нарколог»... – она небрежно машет рукой в сторону брата, – настаивает на том, чтобы я завязала, пока не поздно.

– Да брось! Он преувеличивает. Ни разу не видел тебя пьяной в стельку. Килл, не будь душным, – пробую разрядить обстановку, переключая внимание на друга.

Он всегда был противником алкоголя, а со временем это переросло в целый культ трезвости. Почему он так трясётся над этой темой? Я держу всё под контролем, не позволяя себе лишнего. Мы не больше пары раз в месяц выбираемся в этот клуб, так как его владелец – организатор шоу, в которых нелегально участвует Киллан, и нам по благу продают напитки, запрещённые несовершеннолетним.

Отстойно быть совершеннолетним в Испании, но недоросшим здесь.

– Не переоценивай мою заботу, – морщится он, глядя на неё свысока. – Мне всё равно, что ты делаешь из своего организма помойку. Мне *не* всё равно, что потом подумают о *моей* семье.

Адриана едва заметно сжимает губы. Я давно привык к их перебранкам, но никак не могу понять, откуда в Киллане столько злости к сестре. На мои попытки достучаться он обычно машет рукой, и мне всё сложнее занимать нейтральную позицию: иногда так и тянет вломить другу для просветления. Сдерживаюсь только потому, что Адри сама запретила вступать в их ругань, заявив, что это их дело, и она в состоянии постоять за себя. Поэтому в нашей троице я что-то вроде медиатора, который следит за тем, чтобы они не поубивали друг друга.

– А давайте проведём эксперимент! – У меня возникает безбашенная идея по приобретению Килла к нашим развлечениям. Пора ему доказать, что нет ничего плохого в том, чтобы иногда расслабляться. В меру, естественно. – Заключим пари. Выпиваем все трое одновременно и равное количество...

– Не пойдёт. Кто-то должен оставаться в здравом уме, – не дослушав меня, занудствует Киллан.

– Окей. Я побуду сегодня трезвенником.

– Ты уже пил, – кивает он на мою почти пустую бутылку из-под пива. Она была второй по счёту.

– Адри, – вопросительно развожу руками. – Ты в деле?

– В чём суть пари? – с воодушевлением на лице Адриана перегибается через столик, демонстрируя небольшую ложбинку. Сглатываю и отвожу взгляд, пока я не спалился. *Чёрт.*

– Заказываем крепкий коктейль, пьём одновременно, веселимся и всё такое, но кто первый сдастся, тот проиграл.

– Какое-то невыгодное пари. Что я с этого поймею, кроме похмелья? – на лице Киллана скептическая улыбка. А это хороший признак повышения градуса настроения.

– Ну... Раз за бортом сегодня Адриана, то она будет расплачиваться перед тем, кто выигрывает.

Она озадаченно вскидывает бровь:

– Я? А мне какая выгода?

– Ты забыла? Это эксперимент. Мы будем тебя веселить, плюс приз от проигравшего, – подмигиваю ей. – Ну, так что? По рукам? – обвожу друзей пронизательным взглядом.

– Очень весело смотреть на ваши пьяные лица. – Она недоверчиво косится на подозрительно притихшего Киллана, который, кажется, взвешивает всё, что было озвучено.

– Если я выиграю, ты будешь месяц убираться в моей комнате, приносить завтрак в постель, и больше никакого бухла, пока живёшь с нами, – ставит условие Килл, вцепившись в неё фирменным взглядом исподлобья.

– Если ты проиграешь, даёшь мне штуку баксов, – не теряется она, словно только и ждала этого спора.

– Твои запросы растут с поразительной скоростью. – Сделав глубокую затяжку, он методично вдавливает окурок в пепельницу. – Но в таком случае ты признаёшься, зачем тебе бабки.

– Тебе нужны деньги? – интересуюсь я.

– А кому они не нужны? – Адри искривляет алые губы в слабом подобии улыбки. – Назначай свой выигрыш, Ник.

– Чего бы мне хотелось от тебя получить... Даже не знаю, – задумчиво потираю подбородок. *Ложь. Знаю.* – Поможешь с проектом по экономике.

Даже сквозь фон клубной музыки пробивается смешок Киллана:

– У тебя никудышная фантазия, дружище. Мог бы...

– Если проиграешь, пойдёшь на сцену бороться за выигрыш, который в случае победы достанется мне, – перебивает его наша спутница и встаёт с дивана, выставляя на показ стройные ноги. – Пойду сделаю заказ и позвоню Николь. Не собираюсь вас тащить на себе.

Глава 5 Открытие

Адриана

– Боже, мой брат – дурень! – Никки обхохотывается, пока мы провожаем спину Доминико, на нетвёрдых ногах поднимающегося на сцену.

Примерно через дюжину шотов он капитулировал, заявив, что трёх Килланов и Адриан ему не осилить. А Кроу хоть бы что. Стоит рядом, сложив руки на поясе, и тоже смеётся. Может, периодически подмешивать в его кофе коньяк или чего покрепче? Тогда наше совместное проживание, однозначно, стало бы более комфортным. Мне не приходилось бы каждое утро мысленно точить ножи, готовясь к очередному нападению.

И, вполне возможно, мы с ним стали бы друзьями.

Друзьями...

Хочется рассмеяться от этой мысли. Друг – это тот, кто поддержит в трудную минуту, а Киллан может поддержать разве что мою грудь. И то вряд ли. Она для этих целей чересчур маленькая.

Его подвыпившее состояние выдают растрёпанные на макушке волосы и расстёгнутые верхние пуговицы рубашки. Он стоит чуть впереди нас, поэтому могу вволю насверлить взглядом бесчисленное количество дырок в его спине, представляя, как через них вытекает вся накопленная злоба. М-да, жаль, что советы моего психолога работают лишь в одном направлении. Жить было бы куда проще.

Возвращаюсь мыслями в шумный клуб, как только передо мной расступаются люди, и я, какого-то чёрта, оказываюсь в центре импровизированного коридора с выходом на сценическую лестницу.

– Вон она, вин-н-новница! – орёт в микрофон пьяный Доминик, указывая на меня пальцем. – Адриана Линден, иди сюда!

Толпа улюлюкает и визжит, пока до меня доходит, что он зовёт к себе. Отрицательно мотаю головой, делая шаг назад, чтобы сбежать, но предательница Николь со смехом подталкивает в спину:

– Давай-давай, топай!

– Ты в своём уме? – шиплю я на неё. – Не собираюсь быть посмешищем наравне с твоим братом. Он на ногах еле стоит!

– Адриана Линден, просим вас подняться на сцену! Ребята, поддержим скромную красотку? – весельчак-ведущий заводит толпу.

– Да-вай! Да-вай! Да-вай! – начинает гроыхать хор местных тусовщиков.

Чёрт. Доминик, я тебя убью.

Поднимаюсь на сцену под безудержное ликование присутствующих, и Ник сразу берёт меня за руку, притягивая к себе.

– Что ты задумал? – спрашиваю его, негодуя.

– Мы будем танцевать, – самодовольно отвечает, приблизив наши лица чуть ближе положенного дружеского расстояния.

– Я не буду танцевать.

– Оке-ей, я буду. А ты посидишь на стуле.

Пока мы препираемся, из динамиков начинается проигрываться вступление зазывной мелодии. По ней становится понятно, что мы стали участниками какой-то эротической вакханалии. Кроме нас на сцене ещё три пары, и лишь одна я сажусь на стул, который Доминик забрал из-под диджейского пульта.

Он медленно обходит меня по кругу в такт музыке, как долбаный кобель, привлекающий приглянувшуюся суку. Если бы вместо Ника был кто-то другой, я бы на полном серьёзе поду-

мала, что он не отыгрывает свою роль, а делает всё по зову сердца. Когда под всеобщие вопли он начинает стягивать с себя футболку, сексуально покачивая бёдрами, мне хочется отвести взгляд от его крепкой мускулатуры, но я почему-то продолжаю пялиться, испытывая внутри стыд мирового масштаба.

Парочки по обе стороны от нас трутся друг об друга, поочерёдно снимая с себя предметы одежды. Если шансы на победу прямо пропорциональны площади оголённого тела, то пусть приз достанется кому-то из них. Не хочу лицезреть голый зад лучшего друга.

Доминик меня не касается. Я одета и сижу, как неподвижная статуэтка, но воздух вокруг нас буквально искрит. Эта сексуальная энергетика чувствуется в каждом его шаге, в каждом движении, в каждом обращённом на меня взгляде... Где он научился так танцевать? Мои глаза округляются, когда он встаёт позади, и, положив на обнажённые плечи горячие ладони, без нажима ведёт их вниз по рукам. Дыхание возле шеи разгоняет целое полчище мурашек, а в мои лёгкие словно кол вогнали. Не могу ни вдохнуть, ни выдохнуть. Я больше не слышу музыку, потому что полностью погрузилась в ощущения, пытаюсь понять, что не так. Почему мне не приятно, а неловко? Это же Ник! Мой Доминик. Самый лучший парень, которого я знаю. Которому доверяю. Он никогда не обидит и не сделает плохо. Даже сейчас, в нетрезвом виде, он прикасается так, будто вычерчивает пёрышком тонкие линии. Еле уловимо, ненастойчиво...

Ведомая каким-то необъяснимым порывом, устремляю взгляд перед собой и сталкиваюсь с острыми глазами, вонзающими в меня тысячи игл. Киллан не изменяет себе. Отторжение, что исходит в мою сторону, чувствуется гораздо мощнее, чем касания ладоней Доминика.

Вот оно.

Осознание простреливает навывлет. К его рукам сегодня у меня было совсем иное отношение. Несмотря на всю внешнюю холодность Килла, я ощутила нечто особенное: тепло. Я грелась об него, не желая отгораживаться.

Когда Доминик невесомо обводит контуры моих плеч, рук, ладоней, я догадываюсь, что он делает: ищет тепла от меня. И тут нечто большее, чем дружба, потому что тем же самым сегодня занималась я. Но в отношении другого парня.

Мы с Килланом не разрываем зрительный контакт, превращая всё окружающее в пепелище, из которого живыми выбрались только мы двое. Нас обволакивает пустота: ни музыки, ни громких голосов, ни мельтешащих людей. *Зачем он так смотрит? Не может быть... Я ошибаюсь. Я совершенно точно ошибаюсь.* Мышечный орган, что всё быстрее бьётся за рёбрами, силится напомнить, что я не бесполое существо, и такие реакции – вполне естественная вещь. Но почему сейчас? Мало мне трудностей? Захотелось добавить ещё одну? Более глобальную?

Отвожу взгляд первая и по вспышке более яркого освещения над нами понимаю, что попытке пришёл конец. Лучезарно улыбающийся Доминик встаёт передо мной, протягивая ладонь, и я механическим движением вкладываю в неё руку. Под свист зрителей мы выходим на поклон, пока ведущий этого беспонтового шоу призывает всех топать и кричать громче, чтобы определить пару вечера.

– Ты замёрзла? – бубнит Ник в ухо. – У тебя ладошки ледяные.

Он предпринимает попытку поднести наши переплетённые пальцы ко рту, чтобы подышать на них. Его беспечная улыбка в данный момент отталкивает, если не отпугивает. Он всё испортил своей выходкой.

Просто. На хрен. Всё. Испортил!

– Я с тобой не разговариваю, – отвечаю, выдёргивая ладонь. Дом недовольно закатывает опьяневшие глаза и приближает за талию.

Мой взор снова падает на зону прямо перед сценой. Николь интенсивно машет нам руками, поднимая большие пальцы вверх, а Киллан смотрит на стоящую рядом девицу и заигрывающе ей улыбается. Они о чём-то мило беседуют, абсолютно не обращая внимания на

людей возле них. На мою персону его улыбки никогда не распространяются. Почему от Кроу мне достаётся всё самое гадкое? Слова, поступки, действия, бездействия...

– ... и Адриана! – доносится, как сквозь толщу воды.

– Ого-о-о! Мы выиграли, крошка!

Взвизгиваю от неожиданности, вцепляясь в плечи Доминика, когда он подкидывает меня вверх, обхватив под ягодицами. Я настолько погрязла в раздумьях, что не уловила объявления ведущего.

Невероятно, что победу одержала именно наша полупассивная пара. Ник радуется, как мальчишка, кружа нас обоих, и мне становится так стыдно за свои мысли. Сама придумала то, чего нет, сама обиделась, а обвинила его. Он всего лишь пьян, а я уже вообразила, чёрт знает что. Смотрю в зелёные глаза, искрящиеся от беззаботной радости, и заражаюсь этим позитивом в ответ. Доминико опускает меня на ноги, не разъединяя наши прикованные друг к другу взгляды, но в его глазах ни с того ни с сего появляются оттенки серьёзности.

– Улыбнись, Адри, – не просит, а приказывает.

Всё веселье моментально сходит на нет. Отбрасываю его ладони от себя, вновь возвращаясь с небес на землю. Он думает, это проще простого? Считает, я кайфую от своего нарушения? Отворачиваюсь и направляюсь к лестнице, чтобы выцепить Николь и свалить домой. Вечер подошёл к логическому завершению.

Пока мой партнёр по танцу отошёл за призом, бесцеремонно вклиниваюсь между Килланом и девкой с безвкусными блёстками на лице.

– Проводишь Доминика до такси? Боюсь, его на лоскуты сейчас порвут, – киваю на визжащую девчонку, уламывающую Дома сделать с ним селфи.

Характерный прищур на лице напротив не заставляет себя долго ждать:

– Мы договаривались, что уйдём, как только я скажу, а теперь пытаешься слинять, чтобы со спокойной душой искать приключения на свою задницу?

Вот как у него получается завести меня с пол оборота? Как же надоели постоянные намёки на мой распутный образ жизни!

– Тебя это не касается, – дёрнув на себя Николь, подпевающую уже следующей композиции, ставлю её рядом в роли щита. – Мы бы довели Доминика, но я ещё не собиралась уходить. А, да! Я буду ночевать у неё, так что дальше мы сами по себе.

Моя недоумевающая сестра по разуму хлопает глазами, но согласно поддакивает, скорее всего, не расслышав ни слова. Она всегда на моей стороне.

– Ну уж нет, – кривится Киллан. – Я выиграл пари, и оно уже вступило в силу. Завтра утром ты должна начать мне прислуживать.

– Прислуживать? Ты двинулся? – Шлёпаю по его напрягшемуся плечу. – То, что ты выиграл спор, не даёт права вытирать об меня ноги. Я – не твоя чёртова рабыня! Уговор был только про кофе и уборку.

– Уговор был про полноценный завтрак. А он должен включать не только кофе. Сомневаюсь, что ты успеешь его приготовить, если будешь ночевать не дома.

Дама. Отмахиваюсь от этого уютного слова, как от надоедливой мошкары. Уверена, он забыл добавить уточнение: «у меня дома».

– И что будет, если я принесу завтрак позже? Что будет, если я вообще забью на это дурацкое пари? – упряплюсь я уже из принципа.

Серый взгляд Киллана наполняется непроглядной темнотой несмотря на миллионы отсвечивающих в нём огней. Уперев руки в бока, он грозно взирает с высоты шестифутового роста:

– Поверь, я придумаю наказание. И оно тебе вряд ли придётся по вкусу.

Невольно возвожу глаза к потолку, охреневая от его самонадеянности. Можно подумать, я его боюсь. Что он придумает? Отберёт телефон? Выпорет ремнём? Отшлёпает?

Последняя мысль откликается необъяснимым волнением где-то в районе живота. *Не представляй, не представляй.*

– Ребят, давайте не будем ссориться, – вмешивается Николь. – Мы с Домиником поедem к нему, а вы езжайте к себе. По-моему, идеальный вариант. Вам так не кажется?

– Да.

– Нет.

Наши разрозненные ответы звучат синхронно, на что Никки заливается хохотом.

– А вот и он! Подождём такси снаружи? – Николь берёт причалившего к нам брата под локоть и машет в сторону выхода из клуба.

Не на шутку разошедшийся Доминик отодвигается от своей сестры, равняясь с Килланом. Рассерженная я иду перед ними, ухватившись за ремешок сумочки.

Что я получила от сегодняшнего вечера? Целую гору новых сложностей.

Удался ли их эксперимент, в который я ввязалась любопытства ради? Отчасти да, потому что поначалу с ними было и вправду весело, пока дело не подошло к танцу, подозрениям и... собственному открытию, вовсе не обрадовавшему. Что мне с этим делать, твою мать?

– Круто мы отожгли? – слышится позади восторженный голос Ника, пока мы протискиваемся сквозь потную массу.

Кожа начинает зудеть от желания содрать с неё мочалкой чужой эпителий.

– Очень, – ядовито выдавливает Киллан. – Но примерно с середины я отвлекся, так что извини, многое пропустил.

– А я рад, что проиграл! – не унимается наш друг. – Давно так не оттягивался. Адри! – зовёт меня, когда наша четвёрка выходит наружу.

– Что? – раздражённо отзываюсь, не глядя на него.

Былая непринуждённость в нашем общении куда-то улетучилась. Поскорее бы наступило завтра: Ник протрезвеет, и я удостоверюсь в ошибочности своих суждений. Удивительно, что Киллана почти не развезло. Выпил столько же, и хоть бы в одном глазу! Были у меня, конечно, предположения, что этот гад может смухлевать, поэтому не сводила с него глаз, контролируя, чтобы содержимое каждой стопки попадало точно в рот. Но нет, похоже, даже спирт не уживается в его организме.

– Ну, скажи, что тебе было весело!

– Было, – соглашаюсь я, стараясь не подавать виду, что мне невероятно холодно. В особенности после разгорячённой атмосферы клуба. – Но пари идиотское. Ощущение, что проиграла в нём я, а не ты, Доминико.

– *А вдруг выиграла?* – Он встаёт напротив и игриво поддевает мой подбородок указательным пальцем.

Поднимаю взгляд к его захмелевшей мордахе:

– Благодаря тебе, я теперь в плену твоего друга, а ты и рад.

– Не преувеличивай, – отвечает за него Киллан, закуривая. – И прикройся. В больном состоянии ты не сможешь нормально готовить.

Снова всучив свой пиджак, он отходит к обочине, чтобы поймать жёлтый автомобиль такси. В это же время приезжает машина за Николь и Домиником. Пока парни пожимают руки, хлопывая друг друга по плечам, договариваемся с Никки списаться чуть позже и прощаемся.

Мы остаёмся с Киллом одни, и, к моему ужасу, я совершенно не знаю, как себя с ним вести. Что-то ощутимо изменилось, сломалось. *Во мне или нас?*

Чтобы вернуть самообладание и вновь вспомнить причины, по которым я обязана испытывать к этому человеку антипатию, достаю своё неизменное оружие – телефон. В любой неприятной ситуации я начинаю листать всё подряд, чтобы напустить на себя отрешённость от окружающего мира и создать видимость насыщенной личной жизни. Обычно в ход идут иконки

главного меню: ленты соцсетей, заметки, календарь, иногда и настройки. Сейчас под руку попала галерея. Как на зло, напарываюсь на снимок, сделанный исподтишка пару дней назад.

Киллан вернулся с тренировки по мотокроссу, как обычно, сердитый, но необычно притягательный благодаря слегка взъерошенному виду. Есть в его небрежности и мрачности нечто манящее. Может, моя уверенность в том, что где-то глубоко внутри скрывается мальчик, который заигрался в прятки? Вот только найти я его не смогу, потому что в этой игре я, как и он, засела в укрытии.

Почему нас с тобой никто не ищет, Киллан?

Скинув с плеча спортивную сумку, он промаршировал к раковине, чтобы налить воды. В спешке он не заметил меня, сидящую прямо на полу возле огромного панорамного окна в зоне гостиной. Да и дома меня не должно было быть. В тот день не завёлся мой Вуик, и я решила пропустить теннис.

Осушив стакан, Кроу взялся за ткань футболки на спине и лихо её снял. Мне тоже стало жарко и ужасно захотелось пить. Я сидела, затаив дыхание, потому что момент был упущен: если выдам себя сейчас, он поймёт, что я наблюдала за ним не одну минуту.

Когда он успел так конкретно подкачаться? Его атлетическое телосложение примагничивало мой взгляд: чётко очерченный рельеф в верхней части спины, глубокая линия позвоночника, глядя на которую возникла острая потребность провести вдоль неё пальцем. В то мгновение, когда он опёрся руками на стол и устало опустил голову, я и сфотографировала его. Мне он показался таким ранимым, таким человечным. Я сгорала от желания узнать, что его беспокоило, и решила это запечатлеть, чтобы позже пересматривать и строить свои версии.

– Адриана, пойдём, – голос моего мучителя прорезается сквозь воспоминания.

Быстро прячу смартфон в карман его пиджака и залезаю в салон. Киллан садится спереди рядом с водителем, демонстративно меня игнорируя. Обходительность – это не про него. Скорее, разверзнутся небеса, чем он откроет мне дверь машины.

Вольготно развалившись на сиденье, Килл начинает по-хозяйски тыкать пальцем по сенсорному дисплею, выбирая нужную радиостанцию. Уже через минуту пространство дрожит от басов хардкора. Вкус у моего небрата под стать ему: смысла песни не различить, но впечатление производит устрашающее.

Опять лезу в карман за телефоном, чтобы переложить его в сумку, и нащупываю небольшой свёрток. Не помню, чтобы он был здесь в начале вечера. Немедля достаю его и сразу распознаю, что именно попало в мои руки.

Мне впервые очень сильно захотелось улыбнуться. На краткий миг показалось, что даже щёчные мышцы дрогнули.

Я уже знаю, что там.

Пока раскручиваю зелёные бумажки, пульс ускоряется, а по организму расстилается лёгкий трепет, потому что ими оказались ровно десять сто долларовых купюр. Мой приз в случае проигрыша Кроу в пари.

Без зазрения совести убираю деньги в кошелек, стараясь не думать о причинах его поступка. Я заслужила их за все издевательства, и точка.

Пьяный Киллан – щедрый Киллан. Надо запомнить.

Глава 6 Начало

Адриана

– Неужели вы поладили? Господи, ты услышал мои молитвы! – Лили смеётся над тем, как я сооружаю на прямоугольном хромированном подносе целый натюрморт.

Завтрак Мистера «Угрюмая Задница» сегодня состоит из яичницы с беконом, украшенной помидорами черри, капучино с ложечкой сахара и творожной запеканки, политой солёной карамелью. Я питаю слабость к готовке, поэтому, положив руку на сердце, эта часть обязательства будет даже приятной. Люблю создавать красоту из простых вещей.

– Не стоит спешить с выводами, Лили. Это просто результат спора, – отмахиваюсь я, выкладывая последний крохотный томат. Я изобразила помидорами сердитый эмодзи с бровями в стиле красной птицы из «Angry bird».

– Худой мир лучше доброй войны, – изрекает она, добродушно улыбаясь. – Спасибо за завтрак, детка. Ты, как всегда, на высоте. – Мягко обхватив голову, она звонко целует меня в лоб, что каждый раз неизменно оказывает согревающий эффект. Такое же проявление материнской любви относится и к Киллану, когда ей удаётся его поймать. – Чуть не забыла. Звонил мастер из автосервиса. Твой Бьюик пробудет у них до среды, поэтому придётся поехать на учёбу с Килланом. Очень вовремя у вас наладилось общение! – И, подмигнув, упархивает в свою спальню, должно быть, будить Макса.

Чудесно. Их сын меня живьём сожрёт после того, как я озвучу эту новость.

Взявшись за ручки на подносе, держу курс на комнату вышеупомянутого Мистера, но, дойдя до двери, понимаю, что из-за занятых рук не могу ни постучать, ни открыть дверь. И вообще, не имею ни малейшего представления, спит он ещё или нет. Обычно после вечеринок Киллан дрыхнет до обеда, но в обед у меня свои планы, так что пусть ест холодный завтрак. Его проблемы.

Поставив поднос на пол, прислоняюсь ухом к двери, пытаюсь уловить шорох или любой другой звук, сигнализирующий о том, что парень проснулся. Тишина. Так, зверя лучше не будить, чтобы насладиться ещё несколькими часами спокойствия. Тихонько опускаю ручку и сначала приоткрываю дверь лишь слегка. Увидев в щель мирно спящего Киллана, открываю её полностью и, снова взяв поднос в руки, прохожу внутрь.

Его спальня отличается от моей наличием грязищи и разбросанных вещей и огромным стеллажом, в котором гордо красуются кубки разной величины. В остальном, у нас абсолютно идентичные комнаты, но в зеркальном отражении. Подхожу к кровати, стараясь не смотреть на спящего, и бесшумно ставлю завтрак на прикроватную тумбочку, расположенную ближе ко мне.

Честное слово, я не планировала здесь задерживаться. Даже мысли такой не было. *Наверное...* Я уже сделала шаг назад в сторону двери, но какая-то сверхъестественная сила заставила взглянуть на Кроу.

К лицу тотчас приливает раскалённый жар, будто я совершаю нечто постыдное, неправильное, аморальное, но отчего-то не могу оторвать глаз от Киллана. В спящем состоянии его лицо выглядит особенно красивым. Расслабленным. Брови, которые он обычно сводит к переносице, сейчас образуют аккуратные изломы над сомкнутыми веками. Следом изучаю чувственные розовые губы чуть дольше положенного. Хотя кого я обманываю? Мне вовсе *не положено* заниматься подобным!

Желание смочить горло становится невыносимым, но я боюсь лишний раз сглотнуть, чтобы не выдать себя. Продолжаю бесстыдно вести взгляд всё ниже и ниже. Тонкой простыней прикрыты лишь его бёдра, поэтому вид на голый торс открывается умопомрачительный. Редкие завитки волос украшают мускулистую грудную клетку, сходясь под рёбрами в тонкую

дорожку, убегающую вниз. Туда же бесконтрольно движется и мой взор, пока не застывает на выпуклости, с каждой секундой увеличивающейся всё больше.

Готова поспорить, мои глаза сейчас стали похожими на блюдца. Он... он что, без трусов? Совсем-совсем голый? Задерживаю дыхание, собираюсь бежать отсюда, сломя голову, но до меня доносится еле слышный стон, и я вся обращаюсь в камень, молясь всем святым угодникам о том, чтобы Киллан сейчас не проснулся.

На его висках проступают мелкие бусинки пота, и он начинает учащённо дышать, словно его лихорадит. Словно он пытается противостоять сладостной пытке, которой его подвергли в сновидении. Член под тонкой тканью приобретает чётко различимую форму, и меня она всерьёз пугает. Нет, не так. Меня пугает всё: начиная от толщины и заканчивая длиной. Надо погуглить, до какого возраста растут пенисы.

Боже, о чём я думаю? Я сошла с ума? Нужно бежать отсюда без оглядки, но я продолжаю обворовывать Кроу, лишая самого сокровенного: той стороны жизни, которая была мне неведома. На которую установлен негласный запрет не только из нравственных принципов, но и из собственных железных убеждений.

Моё тело – мой предатель и самый злейший враг: между ног против воли становится очень влажно, внутри всё полыхает адским пламенем, разжигающим преступное желание коснуться себя. Или вновь почувствовать *его* касания. Налившийся клитор начинает болезненно ныть из-за незажившего прокола, но возбуждение, наоборот, нарастает со стремительной силой. Боль повышает восприимчивость, и мне это очень нравится. В какой-то момент она достигает такого непреодолимого пика, что любые болезненные ощущения обращаются в ничто. Они просто-напросто притупляются.

Прикусываю указательный палец, чтобы не издать ни звука, и воровато оглядываюсь на не до конца закрытую дверь. Хорошо, что спальня Макса и Лилиан в противоположной стороне квартиры, иначе я не представляю, как бы объясняла это недоразумение. *Как объяснить самой себе всё, что я сейчас испытываю?*

Киллан закидывает левую руку над головой, а правой ныряет под простыню, с шумом выдыхая. Он что, проснулся?

«Нет, нет! Только не открывай глаза» – умоляю его про себя, пока мягкой поступью отхожу к дверному проёму. Опускаю взгляд в пол, чтобы сбросить это проклятое наваждение, и с облегчением перевожу дух, когда стопа касается прохладного паркета в коридоре. Прикрываю дверь и несусь к себе, как ошпаренная, прикидывая в уме, какая формула теории вероятности подойдёт к моей ситуации. Хочется верить, что я попаду в тот процент преступников, которые никогда не окажутся уличёнными.

Киллан

Тёплый завтрак на тумбочке не оставляет сомнений: Адриана была здесь какие-то минуты назад. Проведя пальцами по волосам, бегло анализирую обстановку в комнате, сам не понимая, какие изменения ожидаю увидеть. Взгляд останавливается на неплотно закрытой двери, и в мозг тут же прокрадывается догадка. Эта злюка обычно так бабахает дверями, что стены дрожат. *Успела рассмотреть что-то интересное, поэтому свинтила, даже не захлопнув её?*

Комкаю простынь, осквернённую спермой, и швыряю на пол, чтобы закинуть в стиральную машину после завтрака и душа. Нет, в обратном порядке, учитывая обстоятельства. Совместные тусовки с Адри на меня плохо влияют. И дело не в похмелье благодаря таблетке, которую я стащил у отца Доминика, пока гостил летом в Барсе. До последнего сомневался в её эффективности. Был уверен, что неправильно понял подслушанный разговор про «волшебный эффект» препарата, нейтрализующего воздействие алкоголя, но результат на лицо: победу в

пари я одержал. Пусть и несправедливую, да простит меня Ник. Что поделать, совесть – не то, чем я могу похвастаться.

Но головная боль с утра всё равно была бы меньшим злом по сравнению с измотавшим меня сном, по ощущениям почти не отличимым от яви. Мне снился вчерашний долбаный танец, только на стуле сидел я, а крутила своей задницей возле меня *она*. К чему это привело, лучше не вспоминать, потому что всё, что я перед собой теперь вижу – это голую Адриану, которую я трахал, как одержимый, прямо на глазах у всех. Прямо на сцене! Чтобы каждый видел: она – моя. *Идиот... Извращуца*. Во сне я совсем слетел с катушек, закончив начатое в нём уже в реальности.

А теперь пусть Линден молится, чтобы я не смог выбить из неё правду. Пусть лучше соврёт, чем сознается, что познакомилась со мной ближе, чем я того желал.

Держись, чертовка. Я научу тебя стучаться в дверь.

Спустя почти час подхожу к спальне Адрианы, ещё сильнее разозлённый новостью о том, что я несколько дней буду катать её на учёбу и тренировки. Поэтому, не церемонясь, врываюсь в комнату, мгновенно находя взглядом свою жертву. Судя по мокрым волосам и полотенцу, машинально прижатому спереди при моём появлении, она только что пришла из ванной.

– Ты сдурел? – первоначальный испуг в глазах молниеносно сменяется яростью. – Быстро вышел отсюда!

– А то что? – спрашиваю издевательским тоном, надвигаясь на неё размашистым шагом.

Она отступает по мере моего приближения, пока не упирается в дверь гардеробной. Жаль, за Адрианой нет зеркала, иначе удалось бы рассмотреть упругое сокровище, над которым она все эти годы так усердно тряслась. Заодно сравнил бы и убедился, что во сне всё было куда лучше.

Воинственный запал Адри слегка угасает, когда я упираю руки по обе стороны от её головы, оставляя между нами критическое расстояние. Не собираюсь её трогать, но она же этого не знает? Линден загнана в ловушку и не может меня оттолкнуть, так как руки заняты удерживанием махровой тряпки, не достигающей даже до середины бёдер.

– Отодвинься, – предпринимает слабую попытку решить всё мирным путём. – Я сделала завтрак. Что ещё тебе надо?

– Пришёл сказать спасибо, – притворно улыбаюсь напротив её лица. Обманчиво невинного из-за отсутствия косметики.

Адриана хочет выглядеть задиристой, но длинные чёрные ресницы трепещут, выдавая внутреннюю нервозность. Неприятно быть застигнутой врасплох?

– Пожалуйста. А теперь вали и впредь не вламывайся сюда. – От неё пахнет каким-то фруктовым леденцом, и в голове совсем не к месту вспыхивает картинка, как я посасываю её язык, пробуя на вкус.

Чёрт! Чёрт!

– Это касается и тебя, Адри, – угрожающе понижаю голос, чтобы скрыть возбуждённую охриплость. – То, что я не запер дверь на замок, ещё не значит, что ко мне можно входить без стука. Вдруг я не один или занят чем-то... *важным?* – усмехаюсь ей в лицо.

– Ты сам просил завтрак в постель! – бунтуется она. – Если это условие отменяется, я буду нереально счастлива.

– Ну уж нет, – хмыкаю я. – Ты отработаешь штуку баксов по полной программе и не вздумай отлынивать.

С удовольствием наблюдаю, как её щёчки густо краснеют от злости, а брови всё ближе сдвигаются друг к другу.

– Если деньги в пиджаке предназначались не мне, это справедливая компенсация за то, что я тебя прикрыла, – цедит она, облизнув губы. – Я их не верну, даже не надейся.

Уровень наглости этой девушки иногда поражает. Да, деньги я засунул в карман специально. Не взяла бы – не страшно, взяла – хорошо, потому что я намерен выяснить, куда ей столько бабок.

– Мы отошли от темы, – напоминаю я начало нашей беседы. – С этого момента без стука ко мне не входить, это тебе понятно?

– Тогда завтракай на кухне, *это* тебе понятно? – дерзит в ответ.

– Адри, ты нарываешься... Просто, блядь, стучи в мою грёбаную дверь, если не хочешь неприятностей, – грубо высекаю я. – Или дело в другом, а?

Она прищуривается, типа не понимает, о чём я толкую.

– Любишь подглядывать? – спрашиваю с ухмылкой и внимательно слежу за её реакцией.

Наблюдала или нет?

– Ты – больной псих! – взрывается она и, забывшись, толкает меня рукой в плечо.

От этого действия одна половина полотенца съезжает вниз, как и мой взгляд, намертво прилепившийся к оголённой правой груди.

С аккуратным. Розовым. Торчащим. Соском.

Спохватившись, Адриана опять прикрывается, но у меня, как на зло, отличная фотографическая память. Я успел заметить поблёскивающую серьгу в виде штанги. И готов отдать любой свой орган на отсечение, что в другом соске есть такая же.

– Всё рассмотрел? – выпаливает злостно. На её личике красуется смущение, хоть она и пытается его усиленно скрыть.

– Было бы что рассматривать, – кривлю рот в усмешке, не меняя положения.

Если отодвинусь сейчас, ей стопроцентно бросится в глаза мой уже пятиминутный стояк, который не скроют ни одни штаны. Это никуда не годится. Почему тело стало так на неё реагировать?

– Какая же ты сволочь, Киллан, – Адри на миг поджимает губы, будто сдерживается, а потом её прорывает: – Что б ты знал, я видела, как ты дрович утром, ясно? И там тоже *совсем* не на что смотреть! А теперь свали из моей спальни и больше не смей сюда входить, иначе я...

– Иначе что? – враждебно проговариваю я, борясь с желанием опустить Адриану на колени и заткнуть бесстыжий рот членом, на который ей не пришлось бы *смотреть*. Она бы им, на хрен, давилась, а потом снова и снова забирала свои слова назад. Что-то никто не жаловался на размер до неё! И сколько, чёрт возьми, членов она перевидала, чтобы сравнивать? Зубы практически скрежещут друг о друга при этой мысли. Стерва.

– Я расскажу родителям о твоём секрете.

– Шпионишь за мной? – ухмыляюсь я, ничуть не удивившись такому раскладу. Эта проныра везде влезет. – А что, если мне также есть чем крыть?

Не удержавшись, прихватываю прядь её мокрых волос, вынуждая склонить голову в более подчинённое положение. Адриана не оказывает никакого сопротивления. Выжидает, что будет дальше. Пронзает насквозь необыкновенно чистой синевой в глазах, совсем не подходящей их распушенной и зарвавшейся обладательнице.

– Чем? – никак не уймётся она.

– Например, тем, *как* ты добываешь дополнительные деньги. Неужели не хватает того, что дают родители?

По её лицу тенью пробегает тревога.

– Николь тебе рассказала? – выдыхает она.

Надо же, попала на мой блеф. Я-то думал, она за наличку показывает младшекурсникам сиськи, а тут и Николь замешана. Чем дальше, тем хуже.

– Неважно, – решаю оставить её мучающейся в догадках и рывком отталкиваю от стены, выпуская волосы на свободу. Эрекция поутихла, теперь можно спокойно отсюда уйти. – В

любом случае, наше дальнейшее общение будет зависеть от тебя. Разболтаешь ты, не останусь в долгу и я. И стучись в дверь!

Сделав пару шагов назад, разворачиваюсь, но включённый ноутбук на письменном столе вынуждает замедлиться. Ни для кого не тайна, что Адриана увлекается дизайном интерьера и архитектурой, но конкретно сейчас я залипаю на других моментах, мигом остужающих разгорячённую кровь в венах. Открытое на экране приложение с трёхмерной моделью дома в разрезе в одночасье переносит в прошлое.

– Ты уйдёшь, или как? – в меня сзади летят словесные колючки, и я без всяких возражений выхожу вон, чтобы не показывать проявленный интерес.

Но увиденное уже не развидеть. Множество вопросов и предположений теперь беспрестанно гудят в черепной коробке назойливой сиреной.

В комнате, которую я сразу распознал как гостиную, были размещены такие мелочи, как вазы с цветами, картины на стенах и рояль. Большой диван в классическом стиле залит нужным жёлтым цветом. Даже та самая широкая винтовая лестница с несуразными позолоченными перилами имелась...

Но больше всего сбивает с толку другое: если Адри ничего не помнит из своего прошлого до пожара, то как смогла с такой дотошной точностью воспроизвести свой собственный дом изнутри?

Глава 7 Исчадие ада

Адриана

Ни за что не скажу об этом Киллану, но я по уши влюблена.

В его Chevrolet Corvette, разумеется.

За последние три дня успела прикипеть к нему так, что готова приплатить мастеру в автосервисе за продление починки Бьюика. Чёрный двухместный спорткар, футуристичный снаружи и безгранично уютный внутри. Оба кресла разделены довольно высокой консолью, создающей иллюзию уединения несмотря на близость водителя и пассажира. Моя демоническая сущность потирает ладошки от злорадства: ноги своим девкам Кроу вряд ли удаётся ползать.

Эта тачка невероятно подходит её владельцу: фары с хищным прищуром, угловато-плавные линии кузова, мощный, быстрый. Король дорог, не меньше. Манера вождения Киллана – отдельный вид искусства. Несмотря на наши сложные и натянутые отношения я полностью ему доверяю: он очень аккуратен, хотя и любит погонять.

Макс с Лили наградили сына этой молнией на колёсах за высокие баллы на выпускных экзаменах. Я тоже довольно успешно окончила школу, и, когда они спросили, какую машину в качестве подарка хотелось бы мне, чёрт дёрнул за язык заявить, что я борец за экологию. Не могу дать разумного объяснения тому, что мной двигало: возможно, хотелось выпендриться. Дурочка. Поэтому теперь я вожу электрокар Buick Electra 5 EV. На ней особо не погоняешь из-за ограниченного функционала, а до ближайшей электрозаправки всё время приходится делать крюк. Сплошные неудобства.

Но я молчу об этом. Мы с Килланом, в принципе, уже молчим почти три дня. Дома так и ношу ему завтраки, предварительно стуча в дверь так, что, наверное, просыпаются и соседи снизу. Уборкой я занимаюсь, когда его нет. В машине он врубает музыку на полную мощность, а в универе мы делаем вид, что незнакомы. Всё вернулось на круги своя, а о том казусе с полотенцем я почти забыла. Вернее, постаралась забыть. Всё равно я с ним счёт сравнивала. Хочется верить, что его раздутое эго хотя бы немного сдулось, и он провёл остаток выходного, измеряя линейкой своё мужское достоинство.

Бред, конечно. Кроу прекрасно знает, что с этим у него всё в порядке. *Более*, чем в порядке. Но мне гораздо веселее представлять его задетым и ущемлённым.

Смартфон вибрирует в руке, оповещая о входящем звонке от Томаса Стоуна, моего нового «клиента». Он оказался идеальным претендентом в бойфренды: богатый мажор, падкий на смазливых девушек, общительный, спортивный и, что самое важное, глуповатый. Стоун – тоже футболист, как и Доминико. Я с ним удачно познакомилась, когда пришла болеть за друга на недавнем отборочном туре среди городских учебных заведений.

По-свойски убавляю громкость на магнитоле и принимаю вызов, игнорируя крайне недовольный взгляд водителя в зеркале заднего вида.

– Да?

– Привет, красавица! – раскусить заискивающий тон парня не составляет труда. Он уже почти доведён до нужной кондиции.

– Привет, Том, – отвечаю я ровным голосом.

– Слушай, я долго думал, куда тебя пригласить... И решил, что такой милой девушке, как ты...

– *Она милая? Она – исчадие ада, Том, – с издевательским смешком негромко комментирует Киллан.*

Выразительно посмотрев в его профиль, убавляю пальцем громкость динамика на телефоне и слышу конец фразы:

– ...зоопарк.

Кроу громко цокает языком, явно всё расслышав.

– Неожиданно, – отзываюсь я. – Когда?

– Сегодня? – предлагает он с надеждой в голосе.

– У меня вечером теннис. Не выйдет. Давай завтра, okay?

– Ну ладно, – вздыхает мой собеседник. – Может, тебя забрать с тренировки?

В этот момент Киллан снова врубает музыку, наплевав на то, что теперь мне не слышно Томаса, а Томас не услышит меня. Скидываю вызов и нажимаю кнопку «Без звука» на мультимедиа.

– Не мог потерпеть минуту?

– Мне надоел ваш пустой трёп. И это *моя* машина, если ты не заметила. – Включает звук снова.

– Воспитанность никто не отменял, – защищаюсь я.

– Воспитанность? – Он дёргано убавляет музыку кнопкой на руле и продолжает назидательно-язвительным тоном: – Тебе самой знакомо это понятие? Ведёшь себя, как последняя шлюха. Какой это по счёту кретин за последний месяц? Четвёртый?

– Не лезь в мою личную жизнь, Киллан, – угрожаю я, проглатывая обиду от несправедливого оскорбления. Пусть думает, что хочет. *И он в самом деле считает моих парней?*

Быстрее бы уже доехать до Джорджтауна, иначе наша безобидная перепалка точно перерастёт в кровавое сражение. Похоже, всё накопленное за несколько дней молчания, рвануло с утроенной силой.

– Тебе напомнить, кто мой отец? Ты совсем не въезжаешь, что можешь угробить его репутацию? И не я один заметил, *как* ты стала одеваться! – свирепеет он, сжимая руль до побеления костяшек пальцев.

Ему не надоело заводить одну и ту же пластинку? Никакой оригинальности.

– Не прикрывайся отцом! Ты как никто другой можешь угробить его репутацию, если до него дойдёт слух о твоём нелегальном *хобби*, – изворачиваюсь я, вставая на скользкую дорожку шантажа. – Так и скажи, что тебе на даёт покоя моё времяпровождение, – озвучиваю то, что всплыло на поверхность.

Чем объяснить его драконье поведение, если не ревностью?

– Поверь, мне абсолютно на тебя плевать, – рубит он словами, окинув меня взглядом бесчувственного засранца. – Не обольщайся.

– Тогда отстань от меня, ясно? Последние три дня были самыми счастливыми в моей жизни, потому что ты просто молчал! Не нравится, как я одеваюсь? – с ехидством задаю вопрос, на который и не нужен ответ. – Завтра надену юбку ещё короче, чем эта.

– Да хоть без трусов ходи. Я же сказал, мне плевать, – огрызается он. – Но потом не кусай локти, когда от тебя все отвернутся, узнав правду о твоих делишках, – Киллан насмешливо изгибает бровь, метнув в меня короткий взгляд, и опять устремляет его вперёд в поисках парковочного места. Мы, наконец, приехали.

Не знаю, что на меня находит. Возможно, позже я об этом очень сильно пожалею, но руки сами творят всю последующую дичь. Как только мы паркуемся, приподнимаюсь над сиденьем и быстро стягиваю с себя трусики, наслаждаясь нескрываемым удивлением на физиономии Кроу, который, кажется, вмиг забыл про существование речевых навыков. Демонстративно повертев чёрное кружево на указательном пальце, засовываю в сумку и без лишних слов покидаю салон, как можно громче шарahnув дверь.

Весь путь до университетского туалета ругаю себя на чём свет стоит. Мой взрывной характер до добра не доведёт. Хотела же колготки надеть, а не чулки! Они точно смогли бы меня сдерживать, а теперь слишком поздно. Киллан ещё больше уверился в своём мнении.

Зачем я это сделала? Зачем?

Доминик

– Дом, мои предки на выходных сваливают из дома, так что в субботу я планирую у себя масштабную тусу. Барбекю, бассейн с подогревом, никаких ограничений с напитками – я угощаю. Ну как? Ты с нами? – Дрейк Морган очень предсказуем. Ему только дай повод налакаться.

– Нет, я другу обещал помочь, – отказываю без малейших сожалений, закидывая вещи в спортивную сумку.

Мы переодеваемся в раздевалке университетского спорткомплекса после очередной тренировки. Вообще, я спешу, но приятель прицепился, как клещ, уламывая составить компанию. Как ему доходчиво разжевать, не обидев, что мне не доставляют никакого удовольствия подобные попойки? И, если быть честным, посиделки с ним и его друзьями – скукота смертная. С ними нечего обсудить, кроме тёлки и футбола. У них тупой юмор и скудные жизненные интересы.

Да, мне грех жаловаться. Я быстро влился в местный коллектив, не без участия Киллана, к слову. Ещё до моего переезда сюда он растрезвонил тренеру, какой у него крутой друг-враг-тарь, поэтому, когда я переступил порог GU, меня здесь ждали практически с распростёртыми объятиями. Это было всего три месяца назад. Чертовски маленький срок, за который произошли большие изменения. Открыв передо мной дверь в новую вашингтонскую жизнь, Килл вскоре закрыл её, оставшись по другую сторону.

Покопавшись в себе, я пришёл к выводу, что причина во мне, а не в нём. За слишком усердным налаживанием новых знакомств и не заметил, как отодвинул лучшего друга на задний план.

Килл по своей натуре волк-одиночка. Ещё и поэтому он так остро отреагировал на появление «сестры» в его жизни. Он с трудом подпускает к себе людей, но, если уж впустил в свою жизнь, то будет твоим верным щитом и надёжным тылом уже навсегда. Так было с самого детства, когда он врубался в драки вместе со мной, хоть зачинщиком был и я. Он постоянно прикрывал меня перед родителями, зная, что ему и пальцем не погрозят, а отбывать наказание вдвоём было даже весело. Вспомнить только разбитую фару у какого-то отцовского знакомого...

А что сделал я? Показал свою спину? *Чёрт.*

Отмахнувшись от назойливого Дрейка, закидываю сумку на плечо и удаляюсь на выход, набирая Киллана. Тот отвечает со второго дозвона запыхавшимся голосом:

– Привет, Ник.

– Привет. Сильно занят?

– Да так. Трюки отрабатывал в Рэмп-холле. – Слышу на фоне голоса, которые потом исчезают вслед за звуком закрывшейся двери. – Но уже собираюсь за Адрианой. Её корыто на батарейках так и не починили, – фыркает он, чем меня смешит. Его сарказма мне и не доставало в последнее время. – Ты сам как?

– Нормально. Как раз с тренировки иду. Давай я сам встречу её? – Зажав телефон между ухом и плечом, выуживаю брелок от недавно купленного Land Rover.

Родители изрядно расщедрились, обеспечив нам с Никки беспхлопотное проживание в Штатах. Надеюсь, совсем скоро я смогу всё вернуть им сполна, когда воплещу в жизнь свои задумки.

Тишина на другом конце линии затянулась. Проверяю, не оборвалась ли связь, но нет, соединение не прервано: отсчёт времени на дисплее всё ещё идёт.

– Килл, ты здесь?

Тот прочищает горло:

– Да, забери её. Ты бы меня выручил. Всё равно не хочу её видеть.

– Что вы опять не поделили? – хмурюсь я, заводя движок.

– Да ничего нового. У нас всего-навсего несовместимость характеров. Тотальная, – добавляет он, глубоко вздохнув.

Непривычно слышать его уставшим. Умотал себя на рампе?

– Это мы уже проходили, – подбадриваю я. – Ладно, заберу её, заодно к вам заскочу. Увидимся.

– Ага, до встречи, – и отключается.

Зная, что Адри заканчивает в районе шести вечера, оставляю машину на стоянке и отправляюсь в сторону закрытого теннисного корта, чтобы хотя бы раз примерить на себя роль болельщика. Никогда здесь не был, так как она не любит пристального внимания к себе и на соревнования не приглашает. Макс по секрету рассказывал, что они с Лилиан несколько раз прокрадывались на трибуны тайком, чтобы поддержать приёмную дочь хотя бы заочно. Ну а сегодня никаких соревнований нет, и против просмотра обычной тренировки Адриана точно не должна возражать. В прочем, я и спрашивать не стану.

Прошли те времена, когда родители усаживали нас мелких перед собой и, пока Адри не слышала, талдычили о том, как важно проявлять к ней терпение и окружать заботой.

Чтобы всё это дать, необязательно носиться с ней, как с хрустальной вазой, и избегать темы прошлого. Как показала практика, ни хрена это не помогло. Может, пора использовать другие методы? Задать прямые вопросы? Проявить больше настойчивости?

Вполне возможно, в забытой части жизни остались воспоминания, способные сделать настоящее полноценным и вернуть ей улыбку. Главное здесь – не перегнуть, иначе влѣгкую превращусь во второго Киллана, который только и делает, что ломает Адриане психику.

Неужели он не понимает, как трудно ей пришлось? Лишиться всей семьи (причѣм дважды), чуть не погибнуть самой, потерять память и забыть детство... В моей семье приняты другие взаимоотношения между братьями и сѣстрами. По факту мы росли вместе с Киллом, нас воспитывали в схожих традициях, обоим прививали семейные ценности, но с появлением Адрианы его нехило перемкнуло.

Ну год, два он строил из себя бунтаря, отвоѣвывающего свои территории, но сколько можно? Эта игра слишком затянулась, поэтому считаю своим долгом, наконец, вмешаться и попробовать их помирить.

Глава 8 Огненная вечеринка

Киллан

– Да ты гонишь! – ржёт Доминик, подавая мне гаечный ключ.

– Я похож на шутника? – отвечаю с кряхтением, пока закручиваю гайки на своём потрёпанном Kawasaki, лёжа под ним прямо на бетонном полу.

Друг впечатлился рассказом о ночных серенадах под нашими окнами. Чёртов Томас не ограничился зоопарком. Этот сучонок пошёл ещё дальше, перебудив сегодня всю округу своими завываниями. Упырь.

– А Адри что? – выпытывает он подробности.

– Без понятия. Я не подходил к окну, – выдаю полуправду, потому что к окну я всё-таки подходил, но реакцию Линден с шестого этажа и в самом деле не рассмотрел. Она стояла спиной ко мне. Разве что по её бурным жестам можно было сделать вывод, что эти песнопения ей не особо зашли.

– Что, даже неинтересно было?

– Не-а, – отнекиваюсь, поражаясь тому, как умело я научился врать. Всегда думал, что это удел Адрианы, но нет, я тоже начал входить во вкус.

Ложь заразна, как сорняк. Сначала она мелкая и не причиняет почти никакого вреда, а потом так прочно пускает корни, что и сам не замечаешь, как уничтожается то благородное, что пыталось выжить и дать свои плоды.

Но иногда ложь звучит убедительнее и выгоднее правды.

Она может быть более приятной, чем правда.

А в некоторых случаях ложь помогает сохранить, к примеру, дружбу.

Дом присаживается рядом с моей головой и начинает впрыскивать смазку в звенья цепи. Ему не требуются от меня инструкции или просьбы: он понимает без слов, когда, куда и что вкрутить или подать. Доминик – мой неофициальный шеф-механик и правая рука.

Мне нужно как следует подготовиться к будущему выступлению, поэтому пришлось перебраться своего дружка почти до основания. Со следующего выигрыша, наверное, займусь поисками его замены.

Мы уже полдня проводим в арендованном боксе гаражного комплекса на самой окраине города. У нашей семьи первоклассные апартаменты в центре Вашингтона, но именно в этом месте с кирпичными стенами, пропитанными терпким запахом горячего и железа, меня накрывает гармония.

На уравновешенном состоянии сказался и перерыв в контактировании с Адрианой. Я избегал её несколько дней как мог, и это принесло результат.

Даже в общении с Домиником сейчас не ощущается напряжения. Я успокоился до такой степени, что дал ему слово не трогать Адри как в прямом, так и переносном смысле. Взамен он поручился, что она тоже будет пайнкой. Насмешил. Так было всегда: Ник – защитник, а я – нападающий. Какую только роль в нашей игре выполняет она? Болельщик? Это вряд ли. Скорее, вредный арбитр.

В любом случае не может не радовать, что я могу обсуждать её, как прежде. Паршивый недуг, изводивший на протяжении последней недели, абсолютно точно был каким-то кратковременным сбоем во внутренних системах. С кем не бывает, верно? Я ведь не каменный. Вывод сделан: нужно минимизировать общение с Линден, а ещё лучше – завести постоянную подружку, чтобы не возникало ни единой мысли, блуждающей в непозволительной плоскости.

– Слушаю, – Доминик прерывается на телефонный звонок и отходит в сторону.

Я всё равно уже покончил с грязной работёнкой, поэтому поднимаюсь на ноги следом и начинаю приводить себя в порядок. Руки по локти в мазуте и масле, но мне по кайфу подобная

возня. Я полюбил это занятие с первой поездки на байке Брайана в Испании. Доминику тоже нравилось гонять, но без фанатизма. Я же предвкушал каждые каникулы, зная, что меня там ждёт: испанская жара, знойные девчонки и адреналин. Много адреналина.

– Чёрт, – выругавшись, друг суёт телефон в карман. – Дрейк звонил. Помнишь, я говорил, что у него сегодня тусовка?

– Ну? – нехотя отвечаю, надеясь, что сейчас не поступит предложения присоединиться к ним. Мы планировали забуриться в спорт-бар, чтобы поболеть за Барселону чисто в мужской компании.

Рейч вчера и без того все уши прожужжала по поводу этой вечеринки, упрашивая поехать вместе. Нет, спасибо. Её я точно не рассматриваю в качестве подружки, о которой помышлял несколько минут назад. Слишком нудная, высокомерная, глупая и заносчивая.

– Адри тоже там.

– Вообще не удивлён, – бросаю с усмешкой, намыливая руки ещё тщательнее, чтобы смыть мгновенное напряжение, так и норовящее свести ладони в кулаки.

– Дрейк краем уха услышал, что Шилдс планирует её накачать колёсами. Пospорил с кем-то из парней, что сегодня её распакует, – пауза. – Ты едешь?

Поднимаю лицо к зеркалу, делая глубокий вдох. Ну почему Адриана постоянно наживает на свою пятую точку какие-то проблемы? Она – грёбаный магнит для дегенератов?

– У меня есть выбор? – отвечаю, чуть помедлив. – Мы на *моей* тачке сюда приехали.

Уложившись с переодеванием за пару минут, с пульта опускаю металлические ворота и прыгаю за руль. Доминик уже внутри, без конца набирающий номер Адрианы.

– Чёрт, почему она трубу не берёт? – взлохматив волосы на затылке, Ник сдаётся и убирает телефон в карман.

– Может, не хочет? У неё там дела поважнее.

– Очень смешно, Килл. Она тебе настолько безразлична?

– Она взрослая девочка, которая может постоять за себя.

– Да, но ты забыл небольшую деталь. – Он вытягивает передо мной руку, сблизив указательный и большой палец. – Таблетки.

Решаю больше не поддерживать бессмысленную болтовню, потому что она в данный момент ничем не поможет. Но, чёрт... Как же бесит эта гиперопека Доминика. Не замечал, чтобы с Николь он вёл себя так же, и вывод здесь напрашивается один: я не ошибался по поводу его небратской заботы в отношении Адрианы. От этой мысли по артериям за считанные секунды растекается ледяной токсин, вызывающий в груди острые спазмы, похожие на приступ тошноты.

Какого дьявола мой организм так реагирует на мысли о них двоих? Ну что с того, что они замутят? Какая мне, на хрен, разница? Может, наоборот, это к лучшему? Увидев их вместе, я присыплю горстью земли то, что начало проклёвываться и не дам этому нечто вырасти в мою погибель. А потом всё пройдёт само собой, и ночи снова станут прежними, поскольку они не будут сопровождаться воспоминаниями о том, как Адриана пересекает университетскую парковку без трусов под юбкой. Откуда взялось это нездоровое влечение? Всё же было под контролем...

Субботние вечера большинство жителей проводят не в дороге, что оказалось на руку. До виллы Морганов на Массачусетс-Роуд предстояло пересечь почти весь город, но с моей малышкой мы добираемся до места за полчаса. Ник ожидаемо вылетает из тачки, не дожидаясь меня. Я же толком не знаю, как себя вести. Так, как подсказывает нутро или разум?

Если поддаться первому, со стороны наше с Домом поведение могут истолковать неправильно. Так и вижу, как по чатам расползается новость об инцесте, тройничках и прочей чуши, которую так любят перемалывать анонимные «друзья». Если уступить второму, то я должен предоставить другу возможность стать тем, кем он хочет быть: героем в глазах Адрианы.

Переборов то гадкое, чем я сейчас забит под завязку, неспешной походкой направляюсь за Домиником, который уже скрылся из вида. У входа меня встречают две призывно улыбающиеся девицы. Кажется, я их тоже видел в универе, но за опьяневшими и размалёванными лицами трудно сказать наверняка.

– Приветик, Киллан, держи. – Одна из них передаёт мне красную карточку.

Как символично, чёрт возьми.

Не утруждая себя в ответной вежливости, переворачиваю её и замечаю текст: «Открой о себе грязную правду или засоси Бриджит Дональдсон на её лекции при всех».

Заявляю официально: Дрейк Морган – самый недалёкий организатор вечеринок. В задании речь о яркой неформалке с нашего корпуса GU. Интересно, а если бы оно досталось девчонке?

– Что за хрень? – поднимаю лицо к хихикающим девушкам, комкая бесячую карточку.

– Входной билет на вечеринку, – подмигивает та, что нацепила платье в виде балетной пачки. Ладно хоть куртку накинула, дура.

Сжимаю губы, чтобы не нагрубить, и просачиваюсь мимо них в сторону музыки, девчачьих визгов и мужского гогота. Пусть Дрейк засунет эту карточку себе в задницу. Теряюсь в догадках, какие «фанты» достались остальным. В частности, Адриане.

Дойдя до зоны барбекю за домом, понимаю, что на её поиски уйдёт немало времени. От бассейна с тёплой водой валит густой пар, застилающий собой всё видимое пространство. В нём уже плещутся и парни, и девчонки, исполняя акробатические трюки с подбрасываниями и ныряниями бомбочками. Басы из колонок, вынесенных прямо на газон, долбят по барабанным перепонкам, усиливая эти смешанные звуки. Поганое чувство – плохо видеть и плохо слышать. Оно лишает контроля над ситуацией. Но благодаря этой дымке в воздухе я остаюсь незамеченным для многих присутствующих, разбившихся на группы. Кто-то заливает глотку, кто-то оживлённо разговаривает, бурно размахивая руками, а кто-то танцует. На их лица даже не смотрю, так как знаю, что среди них нет той, что ищу.

Она никогда не окружает себя толпой. Никогда.

Но обогнув бассейн, я буквально врастаю в землю от увиденной сцены. Недалеко от воды обустроен большой очаг, где горят большие поленья, с треском поднимая высоко вверх языки оранжевого пламени. Навскидку, вокруг этого импровизированного кострища собралось несколько дюжин человек, но ни один из них не пытается остановить происходящее, а некоторые уже и телефоны перевели в режим видеосъёмки, чтобы успеть заснять сенсацию. Каждый... Каждый скандирует: «Давай! Давай!», требуя фееричного зрелища, и только я знаю, что Адриана, в застывших глазах которой отражается ядовитый огонь, в данную минуту умирает снова и снова.

Её неподвижный силуэт по ту сторону костра кажется особенно хрупким и беззащитным. Она вот-вот совершит самую большую глупость в своей жизни, которую потом придётся расхлёбывать всей нашей семье. Произойдёт откат. Я знаю. Уверен в этом.

Мои окаменевшие ноги идут к ней, отяжелевшие руки расталкивают того, кто мешает оказаться ближе. Гул разноголосья оглушает, оставляя звенеть в голове единственную мысль: «Не делай этого!»

Но я не успеваю достичь своей цели. В последний момент Адриана, одетая в короткое чёрное платье, срывает его с себя, оставаясь в одном нижнем белье. Толпа оживляется ещё больше, подбадривая её свистами и одобрительными возгласами. Чуть было не делаю к ней рывок, но вовремя замечаю Доминика, стремительно надвигающегося на неё сзади. Адри не успевает снять остатки одежды только благодаря тому, что мой друг одним движением накидывает на неё куртку и сгребает в охапку, оттаскивая от костра.

– Эй, дай досмотреть! – возмущается не кто иной, как Майлз Шилдс, выплёскивая пиво из бутылки из-за неуклюжего взмаха рукой. – Это против правил! Она должна выполнить задание!

– В машину её! – ору Доминику, пока направляюсь к этому кретину.

Давно мечтал это сделать, а тут и повод веский.

– Чего тебе? – последний вопрос Майлза за секунду до того, как его смазливая протейновая рожа знакомится с моим зудящим кулаком.

Он валится на спину несмотря на массивную комплекцию.

– Кончай с бухлом, Шилдс, иначе член будет таким же вялым, как твои ноги! – выплёвываю под всеобщее ржание и, встряхнув саднящий кулак, ухожу обратно к своему Corvette.

Вечеринка окончена, Адриана.

Глава 9 Оттепель

Киллан

Машина стоит в неосвещаемой зоне, поэтому не могу разглядеть, что творится с Адрианой, уже сидящей внутри. Да и Доминик закрыл собой весь обзор, наполовину скрывшись в темноте салона. Слышно только его успокаивающее бормотание.

– Похоже, спорт-бар отменяется, – констатирую я очевидный факт, подойдя ближе. – Не рискну оставлять её дома одну.

– Не поубиваете друг друга? – с невесёлой ухмылкой на лице иронизирует друг, аккуратно закрывая дверь.

– Только если в целях самообороны, – усмехаюсь в ответ, хотя ситуация далека от весёлой.

Пока сложно представить, какая ночь ждёт впереди. Надеюсь, Адри без сопротивления ляжет спать, а утром проснётся как ни в чём не бывало, чтобы к возвращению родителей не оставлять никаких улик. В противном случае отец быстро прикроет лавочку с тусовками, пройдясь катком по всем нашим однокурсникам, а мы прославимся крысами. Мне, по большому счёту, всё равно, а что сделают с ней? Эти стервятники так и ждут, когда кто-то из нас совершит промах.

А у Шилдса кишка тонка, чтобы сознаться высокопоставленному папаше в причине разбитого носа. К тому же, получил по заслугам при многочисленных свидетелях. И пусть только попробует сунуться ко мне или семье с угрозами. Этого я не потерплю.

– На чём доберёшься? Вернуться за тобой?

Засунув руки в карманы джинсов, Доминик задумчиво поглядывает на особняк, в котором снова врубили музыку.

– Заночую у Дрейка. Нужно забрать вещи Адрианы, заодно выясню, что тут произошло, и подчищу следы.

– Ладно. Тогда до связи? – Напоследок мы бьёмся кулаками, после чего я сажусь за руль и разом оцениваю состояние своей безрассудной пассажирки.

Адриана залезла на сиденье с ногами, укутавшись в куртку Ника. Стекланный нечитае-мый взгляд направлен в неопределённость. Отрешённый вид – то, чего я как раз и опасался. Заведя движок, включая печку на максимум и в очередной раз всматриваюсь в девушку, надеюсь на то, что она в шоке от собственной выходки и не более.

– Какое у тебя было задание? – спрашиваю, выжимая педаль газа.

Тишина вместо ответа вполне ожидаема, поэтому продолжаю говорить, чтобы расшевелить девчонку.

– Адриана, которую я знаю, послала бы всех к чёрту. Почему ты пошла на это?

Chevrolet ревёт, рассекая по Вашингтону, а она всё молчит, даже не шелохнувшись. На перекрёстке принимаюсь изучать её маскоподобный профиль. Лишь отдельные пряди волос раздувает в стороны от потоков тёплого воздуха, напоминая о том, что рядом сидит живое создание.

– Посмотри на меня, – предпринимаю очередную попытку достучаться до её ошалевшего рассудка, понимая, чем это может грозить: Адри может раскусить меня и догадаться, что я всегда знал о ней больше, чем кто-либо.

На удивление, она меняет положение, усаживаясь вполоборота, и, когда наши взгляды пересекаются, во мне что-то надламывается. Всеми внутренностями чувствую эту разительную перемену, подводящую к тому, чтобы выкинуть белый флаг без боя. В синих глазах отражается то, чего я не видел ни разу с её стороны: мольба, крик о помощи, желание спрятаться за чьей-то спиной. *За моей?*

– Я очень плохой человек, Киллан, – из-за длительного молчания её речь получается силовой и приглушённой, но я всё равно могу чётко различить в этих словах несвойственную ей тоску.

– А существуют идеальные? – не могу не ухмыльнуться. – Я – точно не тот, кому стоит исповедоваться, Адри.

– Я и не говорю, что ты хороший. Доминик – да, а ты – нет, – слышу невозмутимый ответ.

Как-то не планировал растормошить её, пожертвовав своим достоинством, но в эту минуту рад и этому. Всё-таки она в адекватности. Всё по-прежнему.

– Но знаешь что? – продолжает она, не дождавшись от меня никакой реакции. – Я в тебе это очень люблю. – Незначительное копошение справа, и на моё бедро ложится её ладонь.

Что за чёрт?

На мгновение даже руль дёрнулся в руках, вынуждая конкретно так напрячься.

– Что ты делаешь, Адриана? – спрашиваю, прочистив горло.

– Я... мне... Мне жарко. – Внезапно она отстраняется, будто вовремя опомнившись, и стягивает с плеч куртку, оставаясь в одном нижнем белье. Левую ногу она опускает на пол, а правую отклоняет к двери, тем самым, раскрывая бёдра шире.

Мне, блядь, тоже теперь жарко. Как в котле у Сатаны. Какого хрена она исполняет? Наспех запечатав внутрь свою ошарашенность, ускоряюсь, чтобы быстрее очутиться дома и засунуть эту сумасшедшую в её спальню.

Услышав щелчок бардачка, с подозрением кошусь на Адриану. Она начинает преспокойно копошиться в нём в поисках чего-то важного, судя по интенсивности движений. Занимаю наблюдательную позицию, чтобы понять, как вести себя дальше: как обычно, приструнить её, или дать возможность делать в моей машине всё, что заблагорассудится, лишь бы убедиться, что я был не прав, и с ней всё в порядке. Хотя если учесть несильно обнадёживающее начало, я занимаюсь самообманом.

Найдя шариковую ручку, Адри втыкает её в волосы, предварительно скрученные на затылке в спутанный комок, и с облегчённым выдохом откидывается на спинку сиденья. Я незаметно выдыхаю тоже, но ненадолго, потому что она испускает еле слышный стон и, проведя тыльной стороной ладони по лбу, опускает её между ног, ни капли не смущаясь моего присутствия.

И тут меня осеняет: странные безбашенные поступки, непристойное поведение, беспрестанное ёрзанье, жар...

Шилдс успел ей что-то подсыпать.

Резко съезжаю в ближайший придорожный карман и, заглушив Chevrolet, поворачиваюсь к девушке, делая вид, что совсем не заметил, во что она одета и где сейчас её рука.

– Что ты пила?

– Ч-что? – переспрашивает она, открывая глаза.

– На меня посмотри, – злюсь я то ли на неё, то ли на себя, то ли на грёбаного Майлза.

Адри нервно сглатывает и, пряча от меня взгляд, смещает ладони к коленям, начиная их поглаживать согревающими движениями. Да... Её кроет прямо на глазах, чёрт побери. Быстро перевалившись через консоль, поворачиваю её лицо к себе, обхватив щёки пальцами.

Так и есть. Расширенные зрачки почти полностью перекрывают синюю радужку.

– Ты красивый, – произносит Адриана шёпотом, совсем не возражая против прямого контакта.

Неожиданное признание заставляет оцепенеть нас обоих. Внезапно до меня доходит, что мы впервые настолько близко друг к другу, если не считать той стычки в спальне. Между нашими лицами считанные дюймы. Ощущаю на губах частое горячее дыхание, вызывающее острое желание вобрать его в себя. На её висках проступила испарина – признак приближения к пику наркотического опьянения. Безмолвно изучаем друг друга, пытаюсь получить ответы на

множество вопросов, которые могли бы прозвучать при других обстоятельствах. Если бы мы изначально начали по-другому. Если бы она не выбрала путь лгуни.

И если бы она всё помнила.

– Киллан, – выдыхает она. – Хочу тебя прямо сейчас. Сделай что-нибудь. Пожалуйста, – шепчет умоляющим тоном, опуская горящий взгляд на мой рот.

Отодвигаюсь от неё, как поражённый током, и снова включаю зажигание. Скрывать от самого себя сексуальную тягу к ней бессмысленно, и, будь я Майлзом Шилдсом, трахнул бы, не задумываясь, или, как минимум, посмотрел бы на то, как Адриана занимается самоудовлетворением. Я – далеко не подарок, но точно не насильник и не мазохист. Линден не в себе и не ведаёт что несёт, а когда проспится, не будет знать, куда бежать от своей совести. Если она у неё есть.

Пока мчим до дома, Адриана предпринимает ещё две попытки поладить со мной, которые я отвергаю с поразительным терпением, и три попытки поласкать себя пальцами, что я тоже пресекаю, перевязав её кисти ремнём, пока стоим на одном из светофоров. Они теперь пристёгнуты к ручнику, который мне пришлось удерживать правой рукой, управляя рулём только левой. Надо отдать должное, эта буйная не сопротивлялась. И, к счастью, она немногословна. Правда, теперь никак не может усидеть на месте и без конца извивается, пытаюсь унять возбуждение, завладевшее телом. Змея. Гадюка ядовитая!

Включаю её любимого Эминема, чтобы хоть каким-то образом отвлечь, но это становится ещё большей ошибкой: степень экстаза, в котором пребывает Адриана, под музыку возрастает многократно. Сомневаюсь, что она вслушивается в речитатив рэпера, но, как на зло, он поёт об удовольствии, которое дарит физическая близость. Да и ремень там тоже упоминается.

Адри с силой сжимает ноги и, изогнувшись в пояснице, начинает стонать, уже не сдерживаясь. Ей и руки уже не нужны, как оказалось.

Охреть можно. Везу «текущую» пассажирку, будучи сам на грани от вынужденного пассивного участия в её многократных оргазмах.

Чем я так прогневал высшие силы, что мне перепало подобное испытание для нервной и половой системы? Какого чёрта нянчусь с той, что не знает и не хочет знать смысла слова «ответственность»?

Припарковавшись на территории нашего жилого комплекса, обхожу тачку и, рывком открыв дверь, извлекаю наружу Адриану, которую я заранее освободил от импровизированных наручников.

– Ты так обалденно пахнешь, Киллан, – по моей шее медленно проходит язык девушки, пока я запахиваю на ней куртку. – М-м-м... Ты ещё и чертовски вкусный. Как... как сгущённое молоко.

Упорно не отвечаю на тот бред, что льётся из её рта, и с грехом пополам мы заходим через парадный вход в холл. Консьерж Миллер сидит в стеклянной конуре, пялясь в книгу, и, бросив на нас ленивый взгляд, возвращается к своему занятию.

Поездка в лифте – ещё один экзамен для выдержки. Привалившись к моему боку, Адри нетерпеливо топчется на месте, бесконечно вздыхая, а я со всей дури вцепляюсь в поручень позади, чтобы абстрагироваться от этой соблазнительной кошки, трущейся об мой торс. Шесть этажей кажутся вечностью, поэтому, когда мы входим в квартиру, чувствую себя победителем в беге с препятствиями. Щёлкаю выключателем, откидывая ключ на столик при входе. Живо разуваясь, наступаю на пятки, потому что сгибаться мне теперь пиздец как трудно из-за неугасающей эрекции. Проходят какие-то секунды, но Адриана успевает сбросить и ботинки, и куртку, уже двигаясь в сторону наших комнат.

Проводив взглядом её задницу в кружевных трусах, расслабленно выдыхаю. Всё, долбаный квест пройден. Главное, она дома, а синтетика, которая сейчас гуляет по её организму, через пару часов начнёт утрачивать свой эффект. К этому моменту она должна спать беспро-

будным сном, а персональная взбучка от меня ждёт уже завтра. Пусть даже не надеется на то, что сегодняшней вечер будет забыт. Злопамятность – это, можно сказать, лучшая черта моего характера.

Завалившись на диван, включаю телевизор погромче, чтобы отвлечься мелькающими на экране кадрами. И протянуть время, чего греха таить. Не хочу идти в комнату, так как знаю, что стану гадать, чем занимается эта злодейка за стенкой.

Спустя один идиотский фильм решаю, что часа Адриане должно было хватить на удовлетворение любых потребностей, поэтому, прихватив из холодильника бутылку с водой, сперва плетусь к её спальне в надежде услышать, как она сопит в две дырки. Но какой там... Идеально заправленная пустая кровать вынуждает снова мобилизоваться.

Куда делась, зараза?

Проверяю ванную и, чертыхнувшись, направляюсь к своей комнате, уже зная наверняка, что она там. Даже при выключенном свете замечаю на кровати небольшой холм. Надо же. Догадалась одеялом укрыться. Целое достижение в нынешних условиях.

Бесшумно ступаю по мягкому ворсу к противоположной стороне кровати, не сводя глаз с Адрианы.

– Мне так холодно... – доносится до меня сдавленный дрожащий голос. – Киллан, погрей меня. Пожалуйста.

Чёрт, у неё начинается отходняк.

Раздумываю несколько долгих секунд, прежде чем снимаю с себя одежду и напяливаю новые пижамные штаны, отыскав их в дальнем углу ящика. Она точно не расплатится со мной за то, что я собираюсь сделать. К завтракам прибавлю ещё и ужины, а, может, придумаю что-нибудь повыгоднее.

Ложусь поверх одеяла, чтобы не соприкоснуться телами, и придвигаюсь вплотную, обнимая Адри одной рукой. Искренне верю, что свои шаловливые пальцы она держит не между ног. По всем признакам, похотливая «батарейка», наконец, разрядилась. Адриану колотит так, что слышно клацанье зубов. Понимаю, что её вина во всём этом косвенная, но меня всё равно бесит, что она забила на элементарные меры предосторожности. Главное правило вечеринок: не пей ничего из стаканов и отказывайся от угощений.

– Киллан, почему ты меня не принял? – надломленно произнесённый вопрос настаивает врасплох.

Не принял? По-моему, я оказал ей шикарный приём. Мог бы вовсе игнорировать, если бы захотел. Задумываюсь, взвешивая все за и против своего ответа. Я же в состоянии промолчать, но что-то побуждает ответить. Должно быть, надежда на то, что завтра она не будет помнить этот разговор, а, вероятно, причина в усталости и нежелании продолжать с Адрианой грызню хотя бы на ближайшую ночь. Короткий эпизод у огня вымотал меня больше, чем многократные повторы экстремальных трюков за всё время тренировок.

– Это не так, – бормочу ей в лоб, потому что все остальные участки её тела спрятаны под одеялом. – Я тебя не понимаю, вот и всё.

Сначала из-за подозрительной тишины и прекратившихся подрагиваний мне показалось, что она уснула, не дождавшись ответа, но через некоторое время слышу слова, в которых для меня не обнаружилось ничего нового:

– Я сама себя не понимаю, Киллан, – тяжёлый вздох. – И хочу, чтобы ты знал... Иногда ты бываешь милым. Как сейчас.

Будь я проклят, но мне отчётливо слышится короткий смешок. Настороженно прислушиваюсь, чтобы удостовериться в этом, но меня больше не встречает ничего, кроме тишины.

Показалось.

Спина Адрианы под рукой начинает подниматься и опускаться всё реже. Её дыхание становится всё ровнее, как и моё.

Закрываю глаза, чтобы тоже провалиться в сон и отдохнуть. Нужно набраться сил перед контракаой. Не станет же она рассчитывать на то, что мы будем добрыми приятелями? Особенно теперь.

Глава 10 На краю

Адриана

– Адри, тебе Доминик отдал вещи? – первое, чем интересуется Дейзи, увидев меня на парковке GU во вторник утром.

– Да, – решаю быть краткой, чтобы оградить себя от дополнительных расспросов.

Любое напоминание о субботнем вечере отдаётся во мне мощным приливом стыда. До последнего сомневалась, стоит ли ехать сегодня на учёбу или прогулять, как вчера, но потом рассудила, что такое поведение тряпки не свойственно Адриане Линден. Все должны считать, что меня совершенно не колышут ничьи пересуды и сплетни. Есть проблема похлеще: Киллан.

Бог мой, я помню почти каждую минуту того дня!

Наркотики – страшная вещь: они забирают у мозга бразды правления, вынося телесные желания на вершину всех существующих потребностей. Органы чувств работают, но осязание обостряется до такой степени, что невозможно думать ни о чём другом, кроме стремления к разрядке. Готовность подчиниться телу преобладает настолько, что становится плевать на окружение, совесть, принципы. Да на всё, черт возьми! Единственное, чего хотелось в те мгновения – испытать облегчение и освобождение от больной одержимости.

Лучше бы тот, кто подsunул мне эту дрянь, никогда себя не выдал, иначе я возьму грех на душу. Ей Богу, возьму. Самое смешное, на вечеринке я пила только сок, да и, в целом, не планировала туда идти. Меня уломала Дейзи, заявив, что нельзя отбиваться от коллектива.

Почему память стёрла двенадцать лет моей жизни, но не может пойти навстречу в таком крохотном временном промежутке? Разве я прошу о многом? Всего-то забыть несколько оргазмов, свидетелем которых был Кроу. Про то, что я лезла к нему, как безумная маньячка, уже и не говорю. Это грёбаный испанский стыд, как сказал бы Доминико.

Вчера утром я проснулась от безмятежного посапывания Киллана прямо в ухо. Отяжелевшая рука покоилась на моей поясице поверх одеяла, не изменив положения с вечера. Не буду лукавить: такая забота – самое невероятное событие за всё время нашего сожительства.

Но, по обыкновению, рой навязчивых вопросов был тут как тут. Почему он не укрылся? Побоялся меня? Или себя? И наиболее важный: как смотреть ему в глаза после своих приставаний?

Мой выбор пал на путь наименьшего сопротивления. Проявив чудеса гибкости, я буквально стекла с кровати на пол и на цыпочках удалилась к себе в спальню. Больше мы с Кроу не виделись. Оба завтрака я оставляла под его дверью, предварительно постучав. Чем он был занят накануне, мне тоже неизвестно, так как не вылезала из своего укрытия, прикинувшись страдалицей с головной болью. Но Доминик к нам точно наведывался, поскольку вечером под дверью меня поджидало платье, сложенное аккуратной кучкой, и сумка с разряженным телефоном.

Бьюик из мастерской пригнал Макс. И это отличная новость, потому что я не готова сталкиваться с осуждающим взглядом его сына. И тем более не готова увидеть в нём не осуждение, а что-то иное. То, о чём я решаюсь подумать лишь наедине с собой в самых тщательно охраняемых и смелых фантазиях.

– Как вовремя приехали Киллан с Домиником! – восклицает Дейзи, ковыряя мои позорные раны. – Я не сразу поняла, что с тобой что-то не так, когда ты отважилась на то задание из карточки. Была уверена, что ты не раз прыгала через костёр, раз так уверенно прошагала к нему.

До главного входа в учебный корпус ещё около тысячи футов. Начинаю считать шаги, чтобы заглушить голос назойливой приятельницы и сосредоточиться на чём угодно, кроме воспоминаний, но они без спроса лезут и лезут в голову, как саранча.

Оранжевые всполохи, треск, взрывы нагретых стёкол, осколки... Много мелких осколков. Не понимаю, как я оказалась в этом тёмном коридоре, куда мне всегда было страшно заходить даже днём. В последние дни, а, может, и целые месяцы я стала многое забывать, но мама говорит, что это из-за витаминов, которые мне прописал доктор Маккензи для того, чтобы я хорошо спала. Я и без того слишком много сплю. Не хочу спать. Хочу, как раньше ходить в школу вместе со всеми. Но теперь учительница приходит к нам домой. Меня почему-то изолировали от остальных детей. Зажмуриваюсь, чтобы восстановить причины, по которым я стала заключённой домашней тюрьмы, но они от меня ускользают, как пушинки, уносимые ветром.

Становится обжигающе жарко. Горький дым проникает в лёгкие, доводя до головокружения. Всматриваюсь в темноту, силясь рассмотреть их, но серый туман заволакивает всё пространство, не позволяя этого сделать. Последнее, что я вижу перед тем, как отключиться, свои руки и кровь. Очень много крови, стекающей вниз по ладоням.

Крови, принадлежащей не мне.

Один и тот же фрагмент воспроизводится по разомкнутому кругу, у которого нет ни начала, ни конца. Есть лишь прорехи, не позволяющие соединить эти отрезки в цельную линию. В последнее время подобные вспышки участились. И если до этой поры я жила надеждами добавить к воспоминанию недостающие куски, которые смогли бы меня оправдать, то теперь такой надежды почти не осталось.

На вечеринке, стоя лицом к лицу со своим огненным страхом, моя вина лишь укрепилась, поскольку на сей раз воспоминание касалось не конкретного события того страшного вечера, а чувства. Я вспомнила, каково это – ненавидеть всей душой.

– Эй, смотри, куда прёшь! – визгливое возмущение Рейчел Шилдс возвращает меня в реальность, чему я радуюсь как никогда.

Оказывается, я наступила на край её плиссированной юбки, когда поднималась по ступенькам. Группа поддержки Рейчел восседает на лестнице, как стая куриц на насесте, а сама предводительница уставилась на меня в ожидании извинений.

– Без обид, не заметила тебя, – нахожусь я и с невозмутимым лицом продолжаю свой путь.

– Она показала средний палец тебе в спину, – гундит Дейзи, когда мы смешиваемся с толпой на первом этаже.

– Думаешь, меня волнуют её пальцы? Это она расслабась в проходе, так что пусть скажет спасибо, что я наступила на юбку, а не на неё.

Дейзи прыскает, покачивая головой.

– Знаешь, я рада, что тебе плевать на мнение окружающих, иначе не представляю, чем бы закончилась вечеринка у Дрейка.

Изгибаю бровь в немом вопросе, не до конца понимая, к чему она ведёт. Подружка загроживает свой рот ладонью, чтобы никто не смог прочесть её по губам, и уточняет:

– В общем, после того, как Киллан втащил Майлзу...

– Что? – опешив, я останавливаюсь, не дойдя до аудитории. – Они подрались?

– Ну как подрались... Твой братец врезал ему, а тот упал, так и не дав сдачи. Но он орал ему вдогонку что-то в духе: «Твоя сестра – шалава, а ты – извращенец, который и сам не против ей засадить».

– Чёрт, – потерянно выдыхаю я. Не из-за слов Шилдса, а из-за того, что извращенка, скорее, тут я, потому что это мне... мне хотелось такого исхода тем вечером.

Хорошо, что рядом был Киллан, а не кто-то другой, ведь этот кто-то точно воспользовался бы моим предложением и с радостью «засадил», как выразился Майлз.

– Да не волнуйся ты так. Доминик никого не выпустил с вечеринки, пока не убедился, что они удалили то, что успели снять.

– Твою же мать... Телефоны. – Приложив ладонь ко лбу, я снова начинаю корить себя за всё, что произошло. – Они сняли всё? И то, как я раздевалась?

Дейзи молча кивает, потупив взгляд.

– Даже если они удалили видео, нет гарантии, что никто не успел его переслать. Вот же гадство! – Умозаключения одно за другим выстраиваются стройным солдатским рядом. Так и жду, что сейчас раздастся серия залпов, расстреливающих остатки моей чести.

Если до знакомых родителей дойдут слухи о том, как «развлекается» их приёмная дочь, или о том, как их сын распускает руки на детей влиятельных личностей, это станет позором в кубе, а то и в п-ной степени. Я и так в неоплатном долгу перед Максом и Лилиан, чтобы задолжать им ещё больше. Про подпорченную славу семьи Кроу и говорить не стоит.

Киллан был прав, когда предупреждал о последствиях моего поведения, а я отпиралась до посинения.

– Адриана, пойдём, а то опоздаем. – Дейзи тянет меня за руку в помещение, где я буду дышать одним воздухом с Кроу.

Хорошо, что он постоянно сидит на галёрке, и нам не придётся встречаться. Рано или поздно мы, конечно, увидимся, но лучше пусть это произойдёт, когда побледнеют все воспоминания, и я вновь смогу вытащить наружу ту негодяйку, которой море по колено. Быть в таком амплу мне больше по душе.

Библиотека Джорджтаунского университета обустроена по всем библиотечным канонам восемнадцатого века несмотря на многократные реставрации. Она представляет собой огромное вытянутое помещение с высоким стеклянным сводом, украшенным пёстрыми витражами. Стеллажи с книгами и учебниками находятся в задней части, а в передней расположен читальный зал, в котором, как правило, занимаются чем угодно, но не чтением. Этакий уголок, чтобы скрыться ото всех, притворившись прилежным студентом.

Не люблю это место из-за гнетущей тишины, в которой у меня обостряется слух, моментально вычленяющий такие звуки-раздражители, как чужое чавканье жвачкой, чирканье ручкой или карандашом. Сегодня я здесь на дежурстве вместе с библиотекаршей миссис Иствуд, которая запрягла меня раскладывать литературу по алфавиту. Очередной меценат пожертвовал учебному заведению пятьдесят коробок с книгами.

Много ли тех, кто сейчас читает бумажные издания в век интернета? Я если и читаю, то на планшете: удобно, не пыльно и не нужно лишний раз тратиться. Да и занимаюсь этим всё реже и реже. Выполнив домашку, я обычно берусь за рисование и графику.

Как оказалось, мои руки помнят больше, чем я сама. Лилиан говорила, что я обучалась в художественной школе, и в доме среди прочих вещей обнаружили мои рисунки. Сначала из-за следствия они не могли ничего оттуда забрать, а потом при оценке моего состояния психиатр настояла на том, чтобы оставить все атрибуты прошлого в прошлом. Новые хозяева наверняка всё уничтожили, но мне и не жаль. Не думаю, что хоть что-то оттуда представляло для меня большую ценность.

– Пойдёшь со мной болеть за Кроу в следующую пятницу? – услышав громкий полушёпот, дёргаюсь, едва не грохнувшись со стремянки. Внизу подо мной никого нет, поэтому я замираю, наострив уши, чтобы понять кто и где болтает о моём... о Киллане.

– Даже не знаю, – вздох. – У меня напряг с предками, Рейч.

Кто бы мог подумать, эти сплетницы перекочевали из туалета в библиотеку. Рейчел и, по видимому, её подруга Джоанна перешёптываются по другую сторону стеллажа, не заметив меня. Осторожно вытаскиваю одну книгу с полки, чтобы можно было не только слышать, но и наблюдать.

– Наври что-нибудь, просто одна побаиваюсь идти в толпу к этим папикам.

– Ну так не ходи.

Молодец, Джоанна. Правильно, нечего там делать Шилдсам. Майлз тоже, получается, в курсе?

– Ты шутишь? Это же мой шанс. В пятницу будет шоу с особыми условиями: участники будут выбирать напарниц.

– И ты думаешь, Кроу выберет тебя?

– Очень на это надеюсь. Подумай логически: станет он рисковать, беря с собой незнакомого человека? А если нет... Ну, хоть ставку на него сделаю. Говорят, из-за новых условий спонсоры будут удваивать выигрыш.

После заветных слов «удваивать» и «выигрыш» я перестала слушать нытьё Рейчел. Что, если незаметно пробраться на это мотошоу и поставить на Киллана? В тот раз он выиграл. Вдруг фортуна ему снова улыбнётся? Чёрт, как же быть... Это отличный источник лёгких и быстрых денег.

Или отличный способ их потерять. Что-то из двух.

– Всё, свали. Он идёт! – шипит сестричка Шилдс, после чего Джоанна уходит в сторону выхода, судя по удаляющемуся цоканью каблучков.

Не знаю, кто там идёт, но мне пора вниз, потому что стопы начали неметь от длительного нахождения в напряжённой позе. Слава Богу, ступеньки не скрипят, и мне удастся спуститься беззвучно. Осталось ретироваться отсюда через задний вход. Но не успеваю я сделать и пары шагов, как замечаю поверх книг макушку Киллана, уже завернувшего в тот ряд, где его поджидает Рейчел.

Не колеблясь, прячусь за небольшой стойкой, чтобы меня не рассекретили. Пути отступления теперь перекрыты: Кроу стоит лицом ко мне и точно заметит, если я хотя бы шевельнусь. Пополнить список постыдных поступков ещё одним подглядыванием? Да ради Бога.

– Рейч, что за срочность? – нотки раздражения в его голосе ласкают мой слух.

– Киллан, я принесла решение теста по международной безопасности, – лебезит девушка.

– Не помню, чтобы я просил об этом.

– Ну, ты такой занятой. Я подумала, что лишним не будет.

– Я уже решил этот тест. Это всё? Ты вроде написала, что хочешь сказать что-то важное, – спрашивает Кроу, и я, не удержавшись, поворачиваю лицо вбок, чтобы подсмотреть за ними в щёлочку.

Он такой же хмурый, как всегда. Ловлю себя на том, что мне не хватало этой мрачной тучи, создающей непогоду в нашем доме.

– Не всё, – улыбается Рейчел, водя указательным пальцем вдоль пуговиц на его рубашке. – Я соскучилась. Ты меня избегаешь? Сначала с дня рождения сбежал, у Дрейка даже не поздоровался, в универе проходишь мимо...

Как можно быть такой приставучей?

– Рейчел, мы с тобой всё прояснили, разве нет? – Киллану приходит сообщение на телефон, и он отвлекается на него, теряя интерес к собеседнице.

– Послушай, мы же взрослые люди. – Её палец продолжает гулять по животу Кроу, а он и не сопротивляется. *Почему позволяет?* – Можем повторить. Мне ведь тоже ни к чему обязательства.

– Обязательства? – хмыкает он и отводит взгляд влево.

Прищурившись, он задерживает его на какой-то точке чересчур долго. Смотрю туда же и зажмуриваюсь не дыша. Чёрт! Чёрт! Поверх коробки, выставленной в проходе, лежит моя сумка, и он определённо узнал её.

– Ну да, – продолжает Рейчел. – Я про ни к чему не обязывающую связь.

Да... И это я беспокоилась за свои честь и достоинство?

– Я подумаю, – сухо отвечает Киллан. – Пойдём провожу до парковки. У меня срочное дело.

На этом они удаляются. Ф-у-ух. Скорее всего, он не догадался о том, что сумка моя, или не подумал, что я могу стоять с другой стороны. Нужно уносить отсюда ноги.

С тоской осмотрев оставшиеся пять коробок, принимаюсь заталкивать их под нижнюю полку стеллажа. Не случится конца света, если я рассортирую книги на следующем дежурстве, а миссис Иствуд – милейшая женщина, которая, если и заметит моё исчезновение, слова не скажет куратору.

Расправившись с этим делом, подхватываю сумку с пола и спешу на выход в абсолютной уверенности, что меня пронесло. Но, завернув за стеллаж, едва не врезаюсь в человека, успев рефлексивно подставить руки.

До мозга уже дошло, кто передо мной, а до конечностей – не сразу, поэтому несколько мгновений мы так и стоим в этой позе. Мои пальцы приклеились к его груди, взгляд прикован к тому же месту, и всё, о чём я думаю в моменте – как же вкусно он пахнет. Тёплый сандал со слегка сладковатым привкусом, аромат осеннего леса и что-то ещё... Ах, да. Горький табак.

Одёргиваю ладони, сразу отступая назад. Киллан всё это время опирался одной рукой на стену, молча изучая меня своим нахальным взглядом, словно караулил здесь, а не пришёл только что. Мне непонятно его поведение. Мне непонятен он весь. Что ему надо? Через некоторое время наши безмолвные гляделки надоедают, поэтому я пробую обойти его.

– А ну, стой. – Кроу ловит меня за руку, вынуждая повернуться к нему всем корпусом, чтобы избежать вывиха. Не успеваю возмутиться его грубостью: он сжимает мои плечи и втаскивает обратно за стеллаж, практически впечатывая спиной в книги.

– Убери лапы! – враз распаяюсь я. Попытки освободиться тщетны. Киллан словно одеревенел в этом положении.

– Я что-то не понял, – чеканит он, приблизившись к моему лицу. – Ты следить за мной вздумала?

– Ты точно ненормальный. Я уже была здесь, когда вы пришли, и делала свою работу! – зачем-то оправдываюсь я.

– Очень странная работа: стоять, развесив любопытные уши, не находишь? – ехидство в его тоне вкупе с ожесточённым взглядом поднимают во мне шквал протеста. Он не имеет права так со мной разговаривать!

– Мне не сдался ни ты, ни твоя подружка-попрошайка. «Ки-и-иллан, тра-а-ахни меня. Ну пожа-а-алуйста. Мне так понра-а-авилось. Давай я просто побуду твоей подсти-и-илкой», – коверкаю я слова Рейчел, хлопая ресницами, как она это делала несколько минут назад.

– Очень забавно. Или напомнить, что в субботу ты просила о том же самом? – подмечает Киллан, ядовито ухмыляясь. Он произносит всё это с расстановкой, отчего каждое следующее слово звучит агрессивнее предыдущего.

Должно быть, цвет моего лица сейчас слился с помадой на губах. Я впервые не нахожу достойного ответа, чтобы дать отпор, потому что попала в свой же капкан. Ну какая я идиотка!

Желание уязвить его самолюбие набирает такие обороты, что я перестаю следить за языком окончательно.

– Я была невменяемой, Киллан. И ты это прекрасно знаешь. В других условиях я ни за что на свете не умоляла бы тебя о подобных вещах, уж поверь, – предпринимаю жалкую попытку отразить его выпад. – И ты – последний человек в целой Вселенной, с которым я отважилась бы переспать.

– И это абсолютно взаимно, – колет меня он, скривившись.

Кроу отпускает мои плечи и отшатывается, словно внезапно вспомнил, что прикасаться ко мне может быть небезопасным, а то вдруг подцепит какую-нибудь заразу. Наши взгляды синхронно расцепляются, и я приступаю к разглаживанию следов от его пальцев на блузке, надеясь, что он уйдёт отсюда как можно скорее.

И он уходит. Но перед тем, как полностью скрыться из поля зрения, добавляет к своей последней реплике ещё один ингредиент, без которого моё унижение было бы неполноценным.

– Надеюсь, не успела возомнить то, чего и в помине нет? Между нами ничего не было только по одной причине, – презрительный взгляд проходится от моего лица до обуви и назад. Непродолжительная зловещая пауза, и его бросок бьёт наотмашь: – Ты мне противна.

Всё тело разом цепенеет от его последних слов. Мнение Киллана обо мне не стало открытием, но отчего же в горле собирается этот едкий комок? Он молниеносно заполняет собой все дыхательные пути. На секунды лёгкие прекращают вбирать в себя воздух, а сердце перестаёт биться, из-за чего вся кровь махом отливает от лица. Пол под ногами становится нереалистично мягким, лишая устойчивости. Волна мелкой дрожи стихийно пробирается к кончикам пальцев. Пространство вокруг застилает чернеющей мглой, и голова начинает кружиться, вынуждая осесть прямо на пол.

Ты мне противна.

Ты мне противна.

Состояние, с которым я когда-то была на ты, начинает протягивать ко мне свои цепкие щупальца. Не позволю ему овладеть мной. Нет. Больше никогда. Тем более из-за Кроу. Он этого не стоит.

Закрываю глаза и выжимаю из себя максимум, чтобы откопать из задворок памяти короткий стишок, который рекомендовал проговаривать психолог при предвестниках панической атаки, но все известные строки и рифмы будто смазало нахлынувшим чувством ненужности.

Я смогу. Я справлюсь. Вдыхай и выдыхай, Адриана. Зачем так реагировать на этого козла?

Мысли тасуются в хаотичном порядке, сбивая с верного пути, но концовка мне помнится очень хорошо, поэтому запускаю её по кругу, вдумываясь в каждое слово, пока оно не отпечатывается в сознании, постепенно возвращая меня к себе:

Шаг один, шаг другой – и ты снова где-то выше,

Ты не жди, малыш, не стой, тебя кто-то всё же слышит.

Он протянет тебе руку, можешь и не сомневаться.

Только тоже руку дай, чтобы в пропасть не сорваться...

Глава 11 Правила съёма

Доминик

– Никки, ты прикальываешься? Я не буду тебе позировать.

– Тебе что, сложно? Модель подвела меня в последний момент, а снимки в журнал нужно сдать уже завтра! Завтра, Ник! – сестра обезумела, если решила уговорить меня на этот идиотизм.

– Найди себе другую жертву, а я – пас. Извини, – развожу руками и отхожу к раковине, чтобы сполоснуть тарелку от яичницы.

Николь примчалась с утра пораньше, объявив, что отречётся от меня, если я её не выручу. Ну насмешила. Она – профессиональный фотограф. После школы приехала в Вашингтон, узнав о курсах именитого мастера фотографии, и вскоре открыла фотостудию, которая на сегодняшний день приносит ей немалый доход. Но я точно не собирался впрягаться в её делишки с глянцевыми намасленными парнями. Ой, я упустил незначительную деталь: она фотограф в жанре ню. Не сказать, что я стеснительный, но, блядь, она моя сестра. Сестра!

– Доминик, ты – самый лучший в мире брат. – Хитрая лиса обнимает меня со спины, полагая, что я на это куплюсь. – Знаешь, как говорят продавники? «Не существует людей, которым не нужен ваш продукт. Вы просто не до конца выяснили их потребности». Так вот: какая потребность у тебя, а? Может, гонорар побольше устроит?

– Нет, – отрезаю я, пытаюсь сдвинуться к холодильнику вместе с ней.

– Ну, давай мы прикроем перчик наполовину? Всё равно будет секси.

Перчик?

– Нет.

– А если я сниму только твой зад? Лица не будет видно.

– Нет! – в этом вопросе я непреклонен.

Разочарованно вздохнув, Николь отлипает от моего туловища и плюхается на разобраный диван. У меня небольшая студия в доме по соседству от неё. Комната одна, но больше мне ни к чему. Я и в этой не всегда успеваю с уборкой.

– А Киллан согласится, как думаешь?

– Ты ещё Максу предложи! – откровенно над ней ржу.

– Ясно, – закатывает глаза Николь. – А кто-нибудь другой на примете есть? У тебя же полно подкаченных приятелей.

– Спроси лучше у Адрианы, она как раз замутила с Томом из моей команды. Думаю, это отличный кандидат, который ей не откажет, – невесело усмехаюсь я. Томас помешался на Адри, а я понять не могу, какого чёрта она начала с ним встречаться. Они вращаются на разных орбитах, не имея ни малейшей точки соприкосновения.

Моё спонтанное предложение сестре явно понравилось, потому что она сразу же подскакивает, смешно округляя глаза.

– Как же я не подумала! – она начинает стучать пальцем по подбородку, о чём-то раздумывая. – Ты прав, он идеально подойдёт. Адри не станет выбирать кого попало. Надеюсь, ниже пояса у него полный порядок с обеих сторон, – бубнит сама с собой, но громкость не убавляет.

– Никки, давай ты не будешь обсуждать при мне чужие причиндалы? – На моём лице наверняка во всех красках отражается отвращение. Я уже пожалел, что заикнулся о долбаном Томасе. – И тебе не пора?

– Всё, меня нет. – Она уносится к порогу, но её болтливый рот не закрывается ни на секунду: – Папа тебе не звонил?

– Я уже знаю насчёт Бора-Бора, если ты об этом.

– Конечно, об этом! Как круто он придумал собраться всем вместе на Рождество! В Вашингтоне будет дубак, а там лето, солнце, м-м-м. – Николь начинает пританцовывать, задрала руки вверх.

– Давай иди, стрекоза, – посмеиваясь, делаю в воздухе выметающие движения руками, чтобы выпроводить её.

Последний раз сестра была в Барселоне летом, и оттуда мы улетели уже вместе. Если честно, никто из нас не ожидал, что Никки первая выпорхнет в самостоятельную жизнь, особенно учитывая, насколько она папина дочка. Поэтому, когда я тоже решил к ней присоединиться, родители вздохнули с облегчением, ведь нашёлся тот, кто будет за ней присматривать. И это семья ещё не в курсе, что она фоткает голых мужиков.

Хорошо, что отец не додумался привлечь своих сотрудников, а то мог бы. У него собственный центр подготовки телохранителей, с которым сотрудничают как звёзды первой величины в Европе, так и бизнесмены, трясущиеся над личной безопасностью.

Если бы под боком не было семейства Кроу, родители вряд ли так спокойно отнеслись бы к нашему отъезду на другой континент, но по испанским законам мы с Николь совершеннолетние, поэтому они не стали вставлять палки в колёса, полностью положившись на нашу сознательность. У меня с этим проблем нет. А вот в сестре я не совсем уверен. Киллан намекнул, что они с Адрианой мутят что-то на пару, поэтому приглядеться к ней не помешает. В последнее время у Адри совсем тормоза отказали, начиная с неудавшегося стриптиза у Дрейка и заканчивая трёпом Томаса о том, как «охеренно она сосёт».

Зубы снова скрипят от накатившего раздражения. Ей совсем плевать, какие слухи о ней расползаются по универу? Почему она себя так ведёт?

Меня корбит одна только мысль о том, что я в ней ошибся. Но бесит не столько это, сколько то, что я и дать в морду Тому не могу, поскольку сам больше не знаю, лжёт он или нет. А главное, нуждается ли сама Адри в том, чтобы её защищали.

Дождь сегодня зарядил беспощадный. Завтра у Килла шоу, а вязкая грязь может сильно помешать. Такую погоду прогнозируют на ближайшие три дня. Это суперновость для организаторов, так как представление выйдет ещё более захватывающим, и «хреновость» для нас. Кроссовую трассу возле «Мото-Раш» может размыть к чертям, поэтому после универа сначала заскакиваю в автомагазин за другими покрышками. Знаю, что друг упрётся рогом и не захочет менять что-то в последнюю минуту, ведь байк нужно будет обкатать, чтобы привыкнуть к новой резине, но пусть будут, не повредят.

Киллан до позднего вечера будет тренироваться на базе. Специфика шоу требует не только мастерского управления мотоциклом, но и отличной физической подготовки, в которую входит отработка прыжков на батуте с разнообразными переворотами и перекрутами. Когда я впервые увидел, что он вытворяет в воздухе, даже подвис. Это опасно, рискованно, отчасти безрассудно, но охренеть как впечатляет. Немудрено, что он подсел сначала на этот спорт, а потом втянулся в игру с высокими ставками.

Предложение участвовать в ночных зрелищных шоу поступило ему от одного из спонсоров несколько месяцев назад, а там речь уже не просто о кубках, жюри и баллах. Правила устанавливают сами организаторы, и иногда их вовсе нет. Моего мнения Килл не спрашивал, но я не одобряю такие неоправданные риски, и он об этом знает. А что толку? Если он принял решение, то не отступит, поэтому я сделал то, что было в моих силах: присоединился к его команде, чтобы быть рядом в трудный момент.

Пока дворники отбрасывают в стороны потоки воды с лобового стекла, задумываюсь, когда и почему мой друг стал таким отчаянным. В деньгах у него нужды нет. Что это? Вряд ли здесь банальное желание купаться в лучах прожекторов и визгах девчонок, кайфующих от его трюков. Тщеславие – ни разу не про него.

Думаю, всё дело в зависимости от острых ощущений и стрессовых эмоций. Могу представить, как окрыляет, когда ты справляешься с тем, что не под силу абсолютному большинству людей.

Смартфон в держателе оживает в темноте салона. Надо же, пропащая объявилась. Адри почти неделю не давала о себе знать по причинам, известным ей одной, а я всего лишь отошёл в сторону, чтобы она сделала первый шаг сама.

– Привет, – сухо здороваюсь, перейдя на громкую связь.

– Доминик! – встревоженный голос девушки заставляет выпрямиться. – Помоги мне, – рваный всхлип. – Пожалуйста.

– Ты в порядке? Что случилось? – в уме стремительно проносятся мысли одна другой красочнее: начиная от той, где она прячется от какого-нибудь насильника и заканчивая той, где её уже изнасиловали.

– Да-да, я да, – сбивается она. – Я в Брукмонте недалеко от заправки. Тут... тут... Ник, тут раненый оленёнок.

– Пришли локацию, сейчас буду.

Подгружаю карту из присланной ссылки и диву даюсь. Что она забыла в лесной зоне, твою мать?

До Адрианы я добираюсь около часа. Из-за ливня повсюду пробки, поэтому пришлось ехать в объезд, сделав неслабый крюк. Из-за отключённых аварийных сигналов серебристую машину на обочине замечаю, уже почти поравнявшись с ней. Сумасшедшая. Ладно хоть в зад никто не въехал. Встаю перед Бьюиком и, включив фонарик на телефоне, выпрыгиваю из салона.

Прикрываю голову курткой, чтобы промокнуть не так быстро. Дождь льёт стеной, и в ботинки сразу набирается вода, хотя между нашими тачками футов тридцать. Добежав до водительской двери, дёргаю ручку, но она не поддаётся. Прислоняюсь в упор к окну и свечу фонариком в салон, надеясь, что Адриана просто уснула. Но пустое сиденье сразу отсеивает этот вариант.

Тут же набираю её, но меня приветствует автоответчик.

– Адриана! – ору во всю глотку, обходя Бьюик.

– Доминик! Я здесь! – оклик подруги из кювета с трудом прорывается сквозь шум воды.

Практически съезжаю вниз по скользкой траве, обнаруживая Адри склонившейся над животным. Мигом накрываю её своей курткой при виде рубашки, прилипшей к телу. Сколько времени она сидит рядом с ним? Края её куртки торчат из-под оленёнка, который лежит с закрытыми глазами, не шевелясь.

– Ты его сбила? – спрашиваю без всякого осуждения. На трассе это не такое уж редкое событие.

– Нет, ты что! – восклицает она с дрожью в голосе, повернувшись ко мне лицом. – Какой-то урод передо мной, который даже не стал тормозить. Я видела, как малышка отбросило с дороги, остановилась, и вот я здесь. Он умер, да? Умер? – отчаяние в глазах смешивается со слезами.

Без понятия, где щупать пульс у оленей, но всё же аккуратно провожу ладонью по шее. Несмотря на намокшую шерсть от кожи исходит слабое тепло. Если бы он откинулся, за то время, что я ехал, по-любому, уже остыл бы.

– Вроде бы жив. Ты хотела вытащить его отсюда на куртке? – Не предполагал, что Адри такая сердобольная.

– Ну не взваливать же на плечи? У него наверняка переломы. Бедный... Он поместится в твой багажник?

Чёрт... Встаю, прикидывая размеры детёныша. И это ещё меньшая из проблем. Как его втащить наверх?

– Где носит его мать? – ни с того ни с сего выкрикивает Адриана.

Я уже продрог до костей. Боюсь представить, что испытывает она, но её саму, кажется, это абсолютно не беспокоит.

– Тебя в самом деле это интересует? Сейчас? – возмущаюсь я, присаживаясь на корточки, чтобы обследовать животное на другие раны и травмы. В целом, похоже на то, что он в отключке. Не думаю, что ситуация критичная. – Так, давай иди грейся в машину. Я разберусь.

– Нет, – мотает она головой. – Он тяжёлый. Вдвоём проще.

Эта упрямая девчонка любому вынесет мозг. Сдавшись, машу на неё рукой и по-быстрому взбираюсь по холму к машине, вспомнив, что шины упакованы в ящик из плотного картона. Отодрав верхнюю часть, отыскиваю трос, зацепляю его за буксировочный крюк спереди и бегом спешу обратно. Из двух курток, подложенных под кусок упаковки, у нас получается что-то вроде носилок. Мокрая трава слегка облегчает нам задачу, поэтому мы довольно быстро подсовываем их под «Бэмби».

– Теперь дуй в свою тачку, включи аварийку и садись за руль моей. Машину нужно поставить поперёк полосы, чтобы вытянуть его. Поняла? – раздаю указания, пока обматываю конец троса вокруг оленя.

Ещё не хватало, чтобы в неё кто-то врезался во время спасательной операции. Чип и Дейл на минималках, что б их.

Адриана шустро убегает, и, когда раздаётся звук клаксона, крепко хватаюсь за рукава куртки, чтобы поддерживать нашего «пациента» в устойчивом положении, пока моя тачка тянет его наверх.

– Мы с тобой – отличная команда, – Адри шмыгает носом, растирая плечи.

Печка работает на пределе, подогрев сидений тоже включён на всю, но это не особо помогает. Нам бы в горячий душ и под одеяло, а пришлось потратить почти два часа на поиск круглосуточной ветеринарной клиники. Слава Богам, олень жив. Было бы обидно потратить столько усилий ради мёртвой костлявой тушки.

– Давай пей, – кивком указываю на пластиковый стакан с горячим глинтвейном, купленным в придорожном автокафе.

– Мой Бьюик какой-то неудачник, – цокает она, сделав маленький глоток. – Или ему не повезло с владелицей. Что-то из двух, иначе я не знаю, как объяснить вечные промахи с этим долбаным электрокаром.

Адри оставила свою машину на электрозаправке и пересела в мою, чтобы вместе отвезти пострадавшего. Заряжать аккумулятор нужно около часа, а это, даже на мой терпеливый взгляд, долго.

– Да брось. Просто не доводи заряд до минимума, вот и всё.

– Если бы не авария на шоссе, мне бы не пришлось ехать на другую заправку. Это судьба, как считаешь?

Улыбаюсь её забавным рассуждениям. Не верю в судьбу, волшебство и сверхъестественное. Эти сказки – удобная позиция для тех, кто боится самостоятельно управлять своей жизнью.

– Нет. Ты сама решила остановиться, чтобы помочь животному. Или ты услышала шёпот, приказывающий это сделать? – смеюсь я.

– Не будь таким сухарём, Ник. Что, если случайности – не случайны? – Адриана щипает меня за плечо, смешивая ещё больше. Не ожидал, что она настолько романтик. – Вполне возможно, судьба решила задержать меня на трассе, чтобы я не попала в аварию через пару миль. Или

ты вовремя свернул с намеченного пути, и такое крошечное событие повернуло наши жизни по новым веткам.

– Веткам?

– Да. Я представляю всю свою жизнь как карту автодорог, – объясняет Адри учительским тоном. – Повернёшь налево, приедешь в один город. Повернёшь направо – в другой.

– И тем не менее ты всё равно можешь вернуться в исходный пункт назначения. Просто один маршрут будет короче, а другой длиннее. Вот и всё.

Мой красивый философ замолкает, задумавшись о чём-то своём, а мне вдруг резко захотелось перестроить этот пресловутый маршрут, чтобы продлить расстояние до Бьюика. Но мы уже подъехали, поэтому пора прощаться.

– Спасибо, Доминик. Ты лучший, – Адриана наклоняется и мягко целует меня в щёку, тут же проводя пальцем по этому месту. – Помада отпечаталась, – смешно фыркнув, поясняет она свой жест и спешит убраться из машины.

В салоне становится пусто и холодно, а под рёбрами, наоборот, печёт нещадно. Убедившись, что она села в корыто на батарееках, как в шутку прозвал Киллан её машину, трогаюсь с места. Мы разъезжаемся в разные стороны, как обычно, продолжая играть в друзей.

О какой судьбе она говорит? Если бы она существовала, то не стала бы влюблять меня в эту девушку, потому что, как ни парадоксально это звучит, нам не судьба быть вместе.

Адриана чья угодно, но не моя. Не моя.

Глава 12 Ставка на жизнь

Адриана

– Адри, где ты откопала Томаса? Он – сказочный долбоёб! – хохочет Николь, разуваясь в нашей квартире, и тотчас осекается, переходя на шёпот: – Дома же никого нет?

– Нет, можешь продолжать, – машу ей рукой в знак следовать за мной в спальню.

На этот раз Макс с Лилиан отправились в туристический лагерь Национального парка. Понятия не имею, чем они там будут заниматься в такую погоду, но кто я такая, чтобы лезть в их супружеские дела.

– Божечки, видела бы ты лицо Тома, когда я стала расхваливать красоту его пениса!

Как она может так беззаботно рассуждать о мужских половых органах? В лицо тут же ударяет горячая краска, стоит вспомнить свои мысли при виде этого самого органа у Киллана. И это при том, что по факту я его не видела, а только представила, просканировав через одеяло.

– То есть можем потихоньку переходить к финальной части? – спрашиваю, завуалировав нашу аферу, лишь бы сменить тему разговора.

– Как пить дать. Он уже пустил на меня слюни. – Пока невозмутимая Николь раскладывает разные расчёски на туалетном столике, я сажусь на пуф перед ней.

Мы поедем на мотошоу вместе, но перед этим решили подготовиться как следует, чтобы соответствовать этому мероприятию. У нас цель одна: сделать ставку, поглазеть на выкрутасы всяких красавчиков, забрать выигрыш и смотаться оттуда до того, как нас засекут Доминик и Киллан.

Последнего глаза б мои не видели. Из-за него я едва не лишилась рассудка в библиотеке, и такая неадекватная реакция меня впрямь насторожила. Куда исчезли мои профессиональные навыки самозащиты? Та размазня на полу была не я. Не я!

Вдобавок ко всему, с того дня кошмары, связанные с первыми родителями, стали почти еженочными гостями. Или, правильнее сказать, вторыми? Чёрт возьми, это было бы очень смешно, если бы не было так грустно. Чувствую себя бездомной кошкой, кочующей от одних хозяев к другим. Лилиан рассказала о родной матери и истории моего рождения, как только я пошла с ними на контакт. То, что они поведали обо всём без утайки, говорит о многом. Прежде всего, о доверии и хорошем отношении ко мне. В ином случае я так и осталась бы девочкой без прошлого.

Но в свете новых событий пришлось отказаться даже от привычного утреннего ритуала: рассматривания семейной фотографии, найденной в сети несколько лет назад, под заголовком «Конгрессмен Питер Линден с супругой Клэр и дочерью Адрианой навестили маленьких пациентов в клинике имени Джорджа Вашингтона».

Всякий раз я задавалась одними и теми же вопросами: «Почему не помню их лиц? Почему не чувствую любви к этим людям? Разве не должно было хоть что-то щёлкнуть в памяти? Почему эта девочка между ними кажется такой незнакомой?» Судя по дате, мне было около одиннадцати, но отличие прошлой меня от настоящей кроется не только в повзрослевших чертах лица. На том фото я мило улыбаюсь и произвожу впечатление любящей дочери, вцепившейся в ладони и мамы, и папы. Что же произошло с нами потом? Что заставило меня пойти на отчаянный шаг?

– Ты как? – с участием спрашивает Никки, пока заплетает мне две перевёрнутые косы.

– Нормально, – со вздохом отвечаю я, прекрасно осознавая, что ситуация далека от нормы.

– Пока никаких вестей? – напоминает Николь о том, чего нельзя забыть. Уже полгода я думаю об этом с содроганием.

– Ещё рано.

– Может, само рассосётся, а?

– Сомневаюсь.

– Адри, я уже предлагала, но спрошу ещё раз. Давай я позвоню папке? Он точно всё разрулит. И секреты хранить умеет, так что...

– Нет, – отрубая я. – Никки, если обо всём узнает хотя бы одна живая душа... Ты понимаешь, как я живу с этим?

– Это может быть липой, – вновь настырничает она. – Я не верю, что ты виновата.

– Я уже говорила тебе о том, что вспомнила. Давай не будем начинать? – Настроение портится одним махом. – Надеюсь, ты в курсе, что любое дело, даже закрытое, могут поднять, если найдутся новые доказательства?

– Чёрт, Адриана! Ты была ребёнком! – Николь поворачивает моё лицо к себе, обхватив ладонями. У неё такие красивые бездонные глаза. Добрые, чуткие, искрящиеся надёжностью. Эта особенность по наследству передалась всем детям Брайана и Кассандры.

– При чём тут возраст? Что, если... – начинаю я. – Что, если ничего не изменилось, Никки? Ты не боишься меня?

– Глупенькая. – Подбадривающе улыбнувшись, она чмокает меня в нос. – Чего стоит бояться, так это пипетки Томаса. Хорошо, что у вас не по-настоящему, а то ты точно осталась бы пожизненной девственницей.

Двумя пальцами Николь демонстрирует размер, примерно равный длине её мизинца, и мне становится настолько смешно, что сначала смеюсь по привычке просто носом, издавая idiotские фыркающие звуки, а потом случается то, над чем я теряю контроль. Голова сама по себе запрокидывается от безудержного хохота, и из меня начинают литься звуки, которые я никогда прежде не слышала. Слезы катятся градом по щекам, и я не в силах остановить счастливую истерику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.